
ЮНА
РУНОВА
ПЕНСИОНЕРКА ПОПАДАНКА
Ягодка
МАРЬ ИВАННА
И ОЧЕНЬ ПЛОХОЙ ДРАКОН
ПОВАРСКАЯ ШКОЛА
ПОПАДАНКИ

Юна Рунова

Марь Иванна и очень плохой дракон. Поварская школа попаданки

«Литнет»
2025

Рунова Ю.

Марь Иванна и очень плохой дракон. Поварская школа попаданки / Ю. Рунова — «Литнет», 2025

Судьба дала мне второй шанс в другом мире и в молодом теле. Я оказалась в Европе семнадцатого века, где магия и драконы являются неотъемлемой частью реальности, впрочем, как и гендерное неравенство. Обедневшей аристократке здесь выжить нереально - проще умереть, но я не из тех, кто легко сдаётся! *** А ты кто такой? Дракон?.. А по какому праву ты меня сначала целуешь, а потом оскробляешь? Дар подарил? А я разве просила? Так ты ещё и ресторатор? Очень рада, будем конкурентами и врагами! #предприимчивая и смелая попаданка пенсионного возраста в юном теле #очень плохой дракон, которого надо поставить на место #любопытные и милые фамильяры #прогрессорство и развитие ресторанного бизнеса #противостояние и юмор #гендерное неравенство и борьба с этим злом #хэппи эндКнига участвует в литмобе "Пенсионерка-попаданка", другие книги моба можно найти по ссылке

© Рунова Ю., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Пролог. 5
Визуал героини 7
Глава 1 12
Глава 2. 18
Визуал героя 24
Глава 3. 27
Глава 4. 33
Глава 5. 39
Глава 6. 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Пролог.

Холодно. Как же холодно и совсем нечем дышать. Неужели, я всё-таки умерла в этой аварии? Почему же тогда мне так тяжело, будто я под толщей ледяной воды? Захотелось вдохнуть полной грудью, но внутрь вместо кислорода проникла солёная вода. От слишком ярких ощущений накрыла паника. Я в воде? Но как такое возможно?

Резко распахнула глаза и в ужасе посмотрела в синеющую вокруг пустоту. Я действительно в воде и на приличной глубине, судя по всему, ещё и продолжаю опускаться на дно! Я, конечно, в том возрасте, когда человек готов ко всему, но никогда не думала, что вместо божьего суда или что там обычно происходит у нормальных людей, окажусь под водой!

Забарахаталась, протестуя, попыталась плыть вверх, где мелькали какие-то огни, но сил уже не было. Тело не слушалось, похоже, я уже слишком давно под водой и последнее, что я увижу, будет обступившая меня тьма. Как жаль! Ведь я надеялась, что умру в кругу семьи и друзей, а оказалась одна… Последние микрочастицы кислорода покинули лёгкие, и я закрыла глаза, смирившись.

Со всех сторон зазвучали голоса, они что-то шептали, звали, но я не могла ничего им ответить.

– Живи! – чётко и несколько театрально произнёс звонкий женский голос, и я вновь открыла глаза.

Со мной происходило что-то уж совсем странное! Я, конечно, давно схоронила своего Петра, но что такое поцелуй, помню до сих пор. Правда, за столько лет позабыла, насколько это приятно… Ох! Это что это такое твориться? Давненько я подобные ощущения не переживала! Лет тридцать считай! Это кто же такой смелый с бабками целуется?

Распахнула глаза и обмерла: надо мной склонился молодой мужчина с длинными светлыми волосами, которые мокрыми прядями свисали с его лица. Он смотрел на меня каким-то абсолютно обезумевшим взглядом ярких синих глаз. Даже в свете тусклых огней я смогла рассмотреть его будто высеченное умелым скульптором лицо с благородными чертами.

Красивый, даже слишком. Я от таких в молодости шарахалась, как от чумы. Красивый муж он что? Чужой муж!

Видимо, до мужчины только что дошло, что он тут не с девицей юной лобзается, а с бабулей не первой свежести. Словно подтверждая мои мысли, красавец этот выпустил меня из рук, и я пребольно стукнулась головой об пол.

– Жить будешь! – бросил он пренебрежительно и встал на ноги. – Запомни, хоть слово скажешь о том, что я тебя поцеловал – сам за борт выкину, – окинув меня давящим страшным взглядом, сказал он.

Я только и смогла, что удивлённо приоткрыть рот и потереть ушибленную маковку. Какой-то странный у меня спаситель. Я с интересом разглядывала его одеяние и облик в целом. Огромный и злой, точно мясник с рынка, где я для семьи продукты покупаю.

Вся его странная одежда промокла, пока он меня из воды доставал. Белоснежная рубашка облепила широкие плечи и мощную грудь, я заметила кружева на вороте и манжетах. Очень странно. А когда посмотрела ниже, то уткнулась взглядом в обтянувшие мускулистые ноги бриджи и босые ступни.

– Ты что оглохла? – грубо поинтересовался он.

Я отрицательно покачала головой, нижняя губа тряслась от жуткого холода. Я шокировано посмотрела по сторонам, уже догадываясь, что там увижу. Только не это. Так просто не бывает!

– М-не б-бы ррод-нымм поззз-вввон-нить, – садясь и подтягивая ноги к груди, промямлила я.

Движения на удивление давались легко, даже больная нога не беспокоила. Удивительное дело!

Вопрос был тестовым и ответ я на него уже предугадала, но так хотелось верить, что я просто попала… Куда? На пиратскую вечеринку в честь чьего-то дня рождения? Круизный лайнер, стилизованный под судно семнадцатого века?

Мой спаситель усмехнулся:

– Позвонить? Серьёзно? Мадмуазель, вам бы сначала поблагодарить дракона за Дар жизни, а потом дать клятву, что никогда и никому об этом Даре не расскажете! – прорычал он. – Знал ведь, что такую лучше не спасать!

Слух зацепился за последние слова: это какую такую? Я растерянно посмотрела на себя, но в полутьме ничего особенного не заметила. Может, он имел в виду мой преклонный возраст? Мол, пожила и хватит, дай другим? Ну и тип!

– Благодарность и клятва! – рявкнул мужчина и смахнул с лица белые пряди мокрых волос.

Что за изверг! Я тут сейчас своим дрожащим телом корабль растрясу, а ему и дела нет! Кто их таких воспитывает вообще?

Стоп, Маша, ты же явно куда-то попала, точно как в Леськиных книжках сказочных о любви и приключениях! Может, этого вот конкретно и вовсе никто не воспитывал. Что он вообще хочет? Благодарность за Дар… дракона?

– Проссс-тите, а гггг-де? – заикаясь, спросила я.

Парень посмотрел на меня как на шальную:

– Что где? – раздражённо спросил он.

– Дддддррра-кккон, – пояснила я.

Что ж непонятливый такой? У них тут и школ, может, нет? Выживают, как придётся…

Таким взглядом, какой я получила в ответ можно огород вспахать! Соток десять не меньше. И так, что без комьев всё будет, хоть сразу сажай. Ну, или мясо на бефстроганов порубить… вместе с костями.

– У тебя горячка? – рыкнул он. – Или морской воды нахлебалась?

На счёт горячки я не уверена, а воды точно нахлебалась с лихвой, только это тут причём? Или Дар дракона это такая фигура речи?

– Мммм-ннне ббббы ввв тттеппп-лллло, – выдала я в ответ.

Вдруг до этого красивого, но, похоже, совершенно глупого мужчины с диктаторскими замашками дойдёт, что я вся мокрая сижу на холодном ветру в одной ночной рубашке!

– Пока не дашь клятву никуда не пойдёшь, – скрестив руки на груди и хмуро поглядывая на меня, заявил он.

Какой неприятный человек! И как назло на палубе никого кроме нас нет, откуда он вообще узнал, что я в воде? Может он уже меня выкидывал за борт, а потом одумался? Проще будет сказать, чего он там хочет, иначе окоченею и уже точно никогда не узнаю, где я и зачем!

Визуал героини

Дорогие мои! Спешу вам представить нашу героиню!

Мария Ивановна Соколова.

Умная, красивая женщина, многого добившаяся в жизни благодаря своему труду и упорству!

Мари-Элиза де Монтескю

Юная аристократка из обедневшей семьи, в тело которой и попала наша Марь Иванна.

Глава 1

Наш мир, немногим ранее

Из офиса сегодня я просто сбежала. Мой новый зам Илюша – молодой да крепкий парень, которого у меня язык не поворачивался по отчеству называть, вздумал поменять меню без моего ведома!

Когда эта информация дошла до меня, захотелось дать Илюше в лоб и отпустить с миром! Но ведь так нельзя. Существует субординация, существует такое понятие, как профессионализм, а я хочу прикончить бедного парня за то, что он пытается улучшить наши позиции на рынке.

Вот я, кое-как взяв себя в руки, просто смылась, решила прокатиться по городу, поостыть, обдумать его действия. Разумеется, он должен был согласовать, разумеется, я должна сначала сама всё попробовать и одобрить… или забраковать.

Фух! Что-то аж сердечко зашлось, оно у меня в последние дни пошаливает – магнитные бури, наверное. Да нога левая ноет, опять проклятый варикоз, а я – дура старая нацепила модные сапожки. Казаки называются, сильно они мне приглянулись.

Мне хоть и семьдесят три, но красиво одеваться до сих пор люблю, и отказаться от понравившейся обновы мне порой тяжело. Раньше при совке всё доставать приходилось, за каждую модную пару обуви дрались смертным боем, а теперь – любые выбирай и забирай. Не ценит молодёжь всё это изобилие.

Невестка моя – Анечка всё время удивляется моей тяге к красивым нарядам, а я ей каждый раз поясняю, что это подружки мои по домам сидят и рентв смотрят, а у меня семья, рестораны, школа поваров. Не могу я абы как выглядеть! И каждый раз она мной восхищается так искренно, милая она девочка. Геночке с ней очень повезло, я уж и не думала, что после смерти Риты он женится, а тут такая радость.

Вышла из здания на улицу, накинув лёгкую шубку, и вдохнула морозный воздух. Красота! Всегда зимушку любила, её чистоту и свежесть. Даже мозги немного на место встали. Отыскала взглядом свой внедорожник и тут же засекла Диму идущего в мою сторону от КПП. Шальная идея тут же посетила голову: а почему бы самой за руль не сесть?

Я вообще водитель со стажем, но последние года два из-за возникающего порой головокружения стараюсь ездить с водителем, да и Геночка переживает, когда я сама машиной управляю. Всё-таки возраст у меня, не девочка давно.

Прибавив шаг и слегка скривившись от боли в ноге, я опередила Диму и нырнула в автомобиль. Хорошо сейчас: ключи не нужны, распознавание голоса есть и прочие примочки. Считай машина сама едет, тебе только изредка признаки жизни подавать нужно, а я ведь и за рулём трактора когда-то сидела. Пока в училище не уехала поступать на повара.

Опустила окошко и улыбнулась Диме – хороший он парень, хотя вернее мужик, но для меня в свои сорок три он всё равно мальчишка.

– Дим, я прокачусь сама, – сказала и подмигнула.

Водитель мой улыбнулся в ответ и покачал головой:

– Геннадий Петрович будет недоволен, если узнает…

– Если, – ещё шире улыбнулась я. – Да ты не переживай так! Я до ближайших «калачей» доеду, чайка выпью с Полиной и вернусь, – заверила я водителя.

Мне вообще с окружением всегда везло, хоть со временем и стало в моём подчинении слишком много людей, но хорошо подобранные руководители на местах спасали положение. Вот и Полина, к которой я планировала завернуть на чашку чая в один из своих ресторанов, была мне как дочь, я даже в глубине души мечтала о ней роли невестки, но не случилось.

– Марь Иванна, ну как мне не переживать? Вы мне, что вторая мама, – зашёл с тяжёлой артиллерией Дима.

Вот ведь хитрец!

– Приятно слышать, Димуль! – ответила я и тронула авто с места.

Мне и, правда, приятно, когда мои подчинённые ко мне с душой и уважением. Ведь не на пустом месте! Я стараюсь всегда и ко всем с открытым сердцем, помогаю мамам-одиночкам, пожилых не увольняю, пока сами не уйдут или уж если показания есть по здоровью, на свадьбы и рождения детей стараюсь не просто премии давать, но и самой подарочек завести. А уж какие корпоративы для персонала устраиваю, чтобы все и отдохнули, и повеселились, и душа русская развернулась, и командный дух укрепился.

Давно я уже поняла, что в любом бизнесе, любой сфере самый главный ресурс – люди. Если твоим людям хорошо, то и тебе хорошо. Конечно, людскую подлость никто не отменял, но я из тех, у кого тот самый стакан наполовину полон. Не подумайте, я не позитивная дурочка, будь я такой, не владела бы двенадцатью ресторанами по Москве и тремя в Питере, не вела бы до сих пор кулинарное шоу на известном канале, да и своей школы для поваров у меня бы точно не было. Я людей вижу, чувствую, но даже самой паршивой овце шанс даю. Так уж меня батя мой воспитал.

Я-то сама родом из деревни, и детство у меня было не самое простое. В пятидесятые народ только поднимался после войны. Я в самое время родилась, когда ничего не было, но мои родители пахали так, что никто из нас не голодал, а было нас в семье четверо детей. Да и нас пахать заставляли, как сейчас помню: мешки с мукой таскала, коров на выгул гоняла, коней обихаживала и даже на тракторе работала одно лето.

Из дома практически сбежала в город и поступила в поварское училище. Впервые бате поперёк сделала, а ведь любимицей была. Он всё на меня надеялся, когда что-то новое в хозяйстве затевал, знал, что помогу и смекну, куда и как лучше пристроить то или иное новшество. Сёстры мои были не такие проворные, их больше скорейшее замужество интересовало. Брат тот лишь технику любил, ещё в тринадцать раздобыл где-то старый мотоцикл и всё время с ним проводил. Так и оказалась я одна – помощница самая бойкая.

Ехала по припорошенным снежком улицам и вспоминала и село родное, и отца с удалой окладистой бородой да гармонью… Эх! Как же давно это всё было.

В городе меня особо никто не ждал, общежитие давать не хотели. Хорошо свела я знакомство с такой же поступившей в наше училище девушкой. Она и пригласила меня на постой. Так я и познакомилась с её братом – моим Петенькой.

Разрывалась я между учёбой и любовью, но и то, и другое было сердцу дорого. Закончила с отличием училище, и распределили меня на Север. Готовить там для тех, кто Север осваивал: трубопроводы прокладывал да нефть добывал. Расстались мы с Петром на долгие пять лет. Он на врача доучивался, и его также распределили, как и меня только на юг, на Кубань.

Я тогда думала, что больше и не свидимся, но судьба решила иначе! Пожалел меня кто-то добрый, перевели меня на Дальний восток, а потом я и сама стала откликаться на новые интересные мне вакансии и переезжать с места на место. Любопытная была молодая, учиться хотела, особенности родной кухни узнавать.

По всему тогдашнему СССР меня помотало, а когда перебралась в Москву, по воле случая стала работать поваром в одном министерстве. Там и началась моя карьера. Путь был тернистым и привёл меня в итоге на самую главную кухню страны. Там я дослужилась до высшей должности, в которой проработала долгие десять лет.

А что же с Петром, спросите вы. С ним мы столкнулись случайно почти сразу после моего приезда в Москву на одном из банкетов. Я следила за качеством обслуживания и подачей блюд, а мой Петя сопровождал своего руководителя – какого-то светилу медицины. Больше мы не расставались, точнее так надолго не расставались, потому что пока я заведовала кремлёвской

кухней, много по миру ездила обучаясь. Не могла же я на месте стоять, когда такую должность занимаю!

От любви нашей и родился Геночка – шустрый весёлый и неимоверно талантливый. Подумаете, что я необъективна как любая мать, но мой Гена – лауреат множества премий, великолепный пианист и автор музыкальных произведений, которые исполняются по всему миру. Жаль Петя не дожил, оставил нас, когда сыну двенадцать было. Замуж я так больше и не вышла.

Хоть я всю жизнь и двигалась вперёд, но в мире принято уступать дорогу молодым. Не знаю, кем принято, старой я себя не ощущала, но уступила. Становиться вновь обычным поваром под началом молодого и наглого мужика мне не хотелось, и я ушла. Провожали меня красиво, мне даже самый главный человек страны медаль вручил и цветы. Приятно было, в общем-то, но я ведь ещё молодая была, только пятьдесят стукнуло. Не знала, что жизнь в этом возрасте лишь начинается!

Капитала накоплено было достаточно, опыта и знаний ещё больше, и решилась я открыть свой первый ресторан. К моему удивлению, сын был против. Впервые я почувствовала, что в меня никто не верит. Обидно стало и горько, но я обиду проглотила, тем более, что Рита – первая жена сына – меня всячески поддерживала.

И началось. Первый ресторан, через год второй… За пять лет мы открыли восемь ресторанов «Калачи из печи» в столице! Я чувствовала себя в этом всём, как рыба в воде. Я была при деле: выдумывала новые рецепты, обучала персонал, сама работала с дизайнерами. Столько энергии во мне было, ух! У Гены родилась доченька, а у меня любимая внучка – Олеся. Но счастье и беда ходят парами: Рита сгорела от рака за год, и спасти её мы не смогли.

Воспитание Олеси почти полностью легло на мои плечи, но я не растерялась: вместе с внучкой колесила по своим ресторанам, с ней придумывала, готовила… И стала ещё счастливее, ведь Леська казалась мне моей копией – характер и разум один в один! Мы так друг друга любим и понимаем с полуслова до сих пор, хоть ей уже семнадцать и в её возрасте к бабушкам обычно относятся как к ископаемым.

Потом было и приглашение на телевидение, сначала в качестве гостьи, затем и свою передачу вести предложили, и открытие новых ресторанов в Питере, и решение создать школу для молодых поваров. Ведь столько опыта, столько знаний идей, зачем их копить? Их раздавать надо!

Всё шло отлично, да ещё недавно Гена сошёлся с девушкой. Разница в возрасте у них большая, да это не беда. Беда в том, что сын стал всё больше отдаляться, придираться ко мне, моей памяти, здоровью. Будто раньше я была ого-го, а тут резко в дряхлую бабку превратилась. Напрямую он мне, конечно, ничего не говорил, но порой что-то такое проскальзывало, отчего сердце болезненно сжималось и воздуха хватать переставало.

Тут ещё этот Илюша. К нему самому у меня отдельные претензии, в частности по сегодняшнему дню, но привёл-то его моим замом Гена. Сказал, что специалист высшей категории, что знает, как наши рестораны улучшить и привлечь больше посетителей, хвалил, словно сам воспитал. Я и согласилась, хоть и не очень поняла, почему сразу моим замом его сделали, но тогда Гена был очень убедителен.

Вчера тоже странная ситуация была за ужином. Гена с Аней наперебой рассказывали, как здорово и полезно для здоровья особенно пожилого организма жить у моря в тишине и покое. Я лишь улыбалась и кивала: я-то чувствую себя здоровой и живой только на работе!

Благо, хоть всю жизнь у плиты провела, но вес не набрала почти, да и болячек у меня не так много. Разве что спина гудит, да ноги – следствие тяжёлого физического труда в детстве. В целом же, Господь меня сберёг, а значит и на покой мне рано, пока голова ясна.

С этим Илюшей теперь надо бы разобраться. Не позволю кому-то творить подобное за моей спиной! Специалист нашёлся!

На экране в центре панели высветилась фотография Леси, и тут же зазвучала мелодия телефона. Внучка звонила по видеосвязи, и я поспешила ответить, хоть и не люблю за рулём разговаривать.

– Бабусь, привет! Ух, какая у тебя шубка модная! Красотка! – тут же с улыбкой сказала с экрана Леся.

Вот ведь техника куда дошла! Я тут, внучка – там, и видим друг друга, и говорим! Круто же! Или как современная молодёжь говорит?

– Привет, моё солнышко! А ты что уже отучилась? – спросила я в ответ.

Леся у нас девочка ответственная в гимназии математической учиться, умница, каких поискать! Гордость моя!

– Да, на тренировку вот собираюсь, – продолжила Леся и немного скуксилась вся. – Бабуль, ты прости, но мне сказать тебе надо неприятное.

Я как раз остановила внедорожник на большом перекрёстке в ожидании зелёного света.

– Что случилось? У тебя какая-то беда? Ты же знаешь, я всегда…

– Не у меня, – Леся, словно стыдясь, глянула на меня из-под бровей. – Бабуль, папа и его эта хотят тебя отослать в какой-то дом для стариков! Не знаю, что это за дом такой, но он где-то на побережье.

Я внутренне напряглась, не веря услышанному:

– Лесь, если это шутка такая, то мне не смешно. Мы только вчера все вместе ужинали. Ты же с нами была, – отозвалась я, поглядывая на вереницу машин передо мной. – Не наговаривай на папу.

Внучка обиженно надула губы и покачала головой:

– Так и знала, что не поверишь! А ведь они тебе вчера напрямую сказали про море и пользу воздуха, и прочую фигню! Ты к себе ушла, а я в ванной руки мыла и дверь не закрыла. Услышала, как они говорили, что надо поскорее от тебя избавиться, а то ждать пока ты сама умрёшь долго очень. Типа здоровье у тебя лошадиное.

Я непроизвольно сжала пальцами руль так, что костяшки побелели. Сердце не желало верить в подобный поворот, но разум довольно усмехался, мол, а я тебе ведь тоже намекал, только ты не хочешь верить. И сейчас не хочу.

Ну, не мог мой Геночка, в которого я столько любви, сил, времени вложила вот так обо мне думать, такого мне желать. К тому же, чем я мешаю-то? В его жизнь я никогда не лезла, когда он с Аней сошёлся, обрадовалась и даже на то, что она его на пятнадцать лет моложе, глаза закрыла. В наше время чего только не бывает!

– Бабуль? – испуганно позвала Леся. – Ты за рулём же! Сверни лучше к обочине, а то ты вся побледнела так!

– Да в порядке я, Лесь! Только ты может что-то неправильно услышала? Показалось? Сама бы такому поверила? – трогая автомобиль с места вслед за грузовиком, спросила я.

– Это не только я слышала! Они такие разговоры давно ведут! Спроси вон у Димы своего! Он точно знает! – сердито отозвалась Леся. – Они же прислугу за людей не считают и как к мебели относятся, даже такое при них обсуждают! Просто вчера они уже границу перешли! Ненавижу эту! Всё она!

Я покачала головой: внучка сразу невзлюбила новую жену отца. Как бы Аня не старалась, подружиться у них пока не получалось.

– Лесёнок, это точно не попытка настроить меня против Ани? Я знаю, ты её не любишь, но то, что ты сейчас сказала очень серьёзно, – ответила я, стараясь смотреть и на внучку, и на дорогу.

Кровь прилила к лицу, как бы я ни хотела считать слова внучки выдумкой, но внутреннее чутьё уже вцепилось в них и раскручивало, раскручивало, словно катушку ниток.

Леся нахмурилась и покивала головой, в эти мгновения она так напоминала меня в юности.

– Бабуль, я знаю, что так нельзя, но вчера я как услышала начало этого разговора, включила диктофон на смартфоне и записала всё, что они говорили, – виновато потупив глаза, продолжила внучка.

Сзади кто-то протяжно посигналил: вереница авто продвинулась на целый метр, а я и не заметила! Конечно, надо меня подогнать! Водитель грузовика ехавшего передо мной, высунул в окно руку и показал неприличный жест, кому непонятно, наверное, мне.

Я нервно нажала ногой на газ, руки почему-то не слушались, да и в салоне стало ужасно душно. Я нажала на кнопку, и окно опустилось, впуская морозный воздух и выхлопные газы: не на много лучше.

– Леся, разве я тебя такому учила? Подслушивать, записывать разговоры взрослых! Это же не в какие рамки! – строго сказала я.

– Знаю! Но я уже отправила запись! Сначала послушай, а потом ругай! – она подняла на меня глаза, чуть не плача. – Я так тебя люблю! Не хочу, чтобы тебя отправили в какой-то дом престарелых!

– И я тебя люблю, но… – я не успела договорить, внучка прервала вызов.

Я посмотрела на экран, всё расплывалось, ладони вспотели. Что уж притворяться, я до жути боялась услышать подтверждение Лесиных слов. Дрожащей рукой нырнула в сумочку, лежавшую на пассажирском сиденье, и нащупала очки. Нацепив их на нос, наконец, разглядела мигающий на экране конвертик и нажала на него.

Сзади вновь посигналили, я чувствовала, что начинаю раздражаться, словно куда-то опаздываю, и эта пробка у светофора уже меня достала.

– Нет, Аня, – голос сына раздался в автомобиле также отчётливо, как если бы он сидел рядом.

– Крокодил, ну ты же обещал! Хватит уже ходить вокруг да около! Твою маму только за её внешний вид можно в дурку сдать! Разве может семидясителетняя бабка так одеваться! Ещё и кучу брендов на себя понапялит… Пффф! – голос невестки был пропитан капризными нотками и завистью. – Ты же сам заметил, она уже не та…

– Да не та, но мозги-то у неё на месте! Если мы просто засунем её в какой-то пансионат, люди могут что-то заподозрить! Она же на телевидении снимается, малыш! – ласково ответил ей Гена, и у меня кольнуло в груди.

Он так спокойно отреагировал на унизительные слова жены, так легко говорил о том, чтобы куда-то меня засунуть… Похоже, вопросами морали он себя не перегружал, а скорее беспокоился, что его поймают, и придётся отвечать за содеянное! Боже! Кого я воспитала? Почему он так со мной? Мало уделяла времени? Мало ласкала? Давала денег? Вкладывалась?

– Крокодильчик, а давай пригласим её на курорт, а там разыграем болезнь и прямиком оттуда в «Зелёные холмы»? Дядя с радостью примет и без всяких вопросов! Ты же хочешь, в конце концов, жить свободно? Представь, сколько мы выручим, когда распродадим все эти забегаловки? Это же целое состояние! Ты будешь писать музыку, а я тебя вдохновлять! Будем кататься на лыжах в Европе и купаться в океане! Я себе уже купила несколько купальников и хочу, чтобы ты на них посмотрел…

Я слушала болтовню невестки в пол уха, про эти холмы зелёные я знала от знакомых. Туда заботливые родственники отвозят своих стариков умирать. Перед глазами возникла алая пелена, в ушах зазвенело. Сзади опять раздался сигнал, и я надавила на газ, совершенно не разбирая, куда еду. Зачем только за руль села дура старая!

Как она сказала? Распродадим забегаловки? Это она о деле всей моей жизни так говорит?

В глазах, наконец, прояснилось, но лишь на мгновение. Я уже приготовилась нажать на тормоз. Мне казалось, что машина вот-вот впишется прямо в зад грузовика, но почему-то дорога была пуста, а мой внедорожник как раз переезжал злополучный перекрёсток.

Я, словно почувствовав что-то, подняла взгляд и только успела охнуть: для меня горел красный, и лишь я осознала этот факт, справа в моё авто на приличной скорости врезалось что-то большое. Мой внедорожник закрутило, бросило то ли на ограждение, то ли на другой автомобиль. Я со всей дури ударилась головой о руль и отключилась.

Глава 2.

В новом мире

Глянула на своего упёртого спасителя, пытаясь унять дрожь, обхватила себя руками и потёрла голые плечи. Хм. Надо же какая у меня после морской воды кожа шикарная, упругая такая. Может, и правда, надо было к океану давным-давно переехать.

– Чтто гго-ввво-рррить? – спросила я, не прекращая растирать себя руками.

– Благодарности я, похоже, не дождусь, – усмехнулся мужчина. – Назови своё имя и скажи, что даёшь клятву никому не рассказывать о полученном Даре.

Я озадаченно вытаращила глаза: а нормально, если я сейчас ему представляюсь, как у меня на родине положено? Вдруг он инквизицию какую на меня сразу на травит?

От волнения тёрла себя всё сильнее. Мужчина зорко следил за каждым моим движением, всё больше хмурясь, и вдруг сердито топнул босой ногой и склонился, обхватывая меня руками:

– Знал же, что с такими не стоит связываться! Знал и пожалел! – опять возмутился он.

И чего заладил: такая, да такими! Пожалел он меня! Может, и пожалел, только теперь измывается!

То, с какой лёгкостью он взял меня на руки и направился к темнеющему зеву двери, впечатляло. Я хоть и в хорошей форме, но не пушинка точно. Вспомнилось, как муж почти также легко внёс меня в нашу отдельную комнату в коммуналке, но тогда я весила чуть больше ягнёнка.

– Куда? – рыкнул мой спаситель, когда вошёл внутрь.

А вот это уже точно вопрос, на который у меня нет ответа.

Он как раз остановился на небольшой площадке, от которой вниз шли крутые ступени, и выжидающе посмотрел на меня. Вот, ей богу, страшный он гад! Но красивый. Я хоть и старая уже, но глаза с возрастом не растеряла. Такого жениха бы моей Лесе, ведь на самом деле добрый он, чувствую!

– Где твоя каюта? – начиная закипать, задал он вопрос по-иному.

– Я ннне пппо-мм…

Мужчина не дал мне договорить, рассмеявшись так искренне, что я чуть сама в ответ не улыбнулась.

– Ты видимо из тех, кто до конца идёт, да? Так ты вспомни, что я твоё предложение не принял, так что Дар не имеет силы! – перестав смеяться, зло сказал он.

Так, я ему вроде никаких предложений и не делала. Мне бы вообще понять, как я тут оказалась, почему тонула, и как этот противный человек меня заметил и спас. Да и про драконов хотелось поподробнее, если они тут водятся, так это же совсем беда!

– Я пппрррав-ддда ннне…

– К себе не понесу, и не надейся. Сразу ведь сказал, что ты не в моём вкусе, – делая шаг вниз по лестнице, опять оборвал меня он.

Что за привычка перебивать? Хотя у меня, конечно, зуб на зуб не попадает, и… Что он сейчас сказал? К себе меня не понесёт? Да он вообще в своё уме! Он мне во внуки годится! Как минимум в сыновья! Неужто, тут тоже такие неравные связи популярны?

Меня вообще очень оскорбляет его манера ко мне обращаться! Хоть немного бы делал скидку на то, что я пожилая дама! Пусть в одной рубашке, пусть он меня из воды спас, но так говорить со мной ему никто права не давал!

Больше не говоря ни слова, этот хам и грубиян спустился со мной на руках вниз и пошёл вдоль узкого коридора. Я порой чувствовала, что нас слегка покачивает, но сила и молодость моего носильщика брали верх над морской качкой.

Пока мы шли неизвестно куда в ночном полумраке, я чувствовала, как согреваюсь в руках своего неприветливого спасителя. Несмотря на то, что он, как и я, побывал в воде, холодным он не был. Скорее, наоборот, от него шёл такой жар, что я непроизвольно прижималась теснее к широкой груди, а когда это осознала, дала себе мысленно по лбу. Вот ведь старая коза! О чём только думаю? Ещё решит этот удалец, что я действительно к нему собиралась! Вот это вышел бы пассаж!

Наконец, мы остановились у неприметной двери, и мужчина громко постучал в неё. За дверью послышалась возня, кто-то неприлично выругался и спросил, не открывая:

– Кого там вурдалаки притащили? – голос был мужской и изрядно принявший на грудь.

– Это я, Пьер! Открывай! – рыкнул мой спаситель.

Дверь приоткрылась, и перед нами показался упитанный невысокий мужичок лет сорока в круглых очках и с забавным выпуклым брюшком, пережатым подтяжками, словно картина в раме.

– Как же ты не вовремя, Франс! Я так душевно уединился с бутылкой марьельского, а тут…, – он без особого удовольствия посмотрел на моего спутника, а потом уткнулся взглядом в меня. – Мадемуазель! О, какая встреча!

Мадемуазель? А ведь этот Франс тоже ко мне так обратился один раз, пока совсем не превратился в невоспитанного чурбана.

– Ты её знаешь? – обрадовался Франс.

Пьер отрицательно покачал головой:

– Нет, но ты ведь нас познакомишь? – он расплылся в улыбке.

– Ну, уж нет! Давай-ка, впусти нас! – делая шаг в сторону своего приятеля, сказал Франс.

– Да! – радостно сказал Пьер и отступил в комнату. – Да, да, да.

– Прекрати уже! Твоя привычка поддакивать меня жутко бесит, ты же знаешь! – недовольно сказал Франс и внёс меня в небольшую, но вполне просторную для одного жильца, каюту.

Здесь было светлее от парящих над потолком шаров света, которые я поначалу приняла за люстру. Любопытно, и как они там висят под потолком и не падают?

Франс тут же усадил меня на единственный стул и, стянув с кровати одеяло, грубо замотал в него. Вроде и позаботился, но так, что хотелось стянуть это одеяло и бросить прямо в красивую рожу!

– Так ты её не знаешь? – вновь спросил он у приятеля, который как раз собирался налить себе ещё рюмашку.

– Такую красивую мадемуазель, – нюхая содержимое своей рюмки, сказал Пьер, – я бы запомнил. Хотя! – он залпом выпил алую жидкость. – Да! – словно что-то вспомнив, воскликнул он. – Да, да, да, – он окинул меня пьяным взглядом. – Хотя. Нет.

Мне послышалось или Франс сейчас зарычал? Приятно, конечно, что такой забавный пьяный колобок считает меня красивой мадемуазелью, но он что настолько залил зенки, что не видит, кто перед ним?

Я задумалась, а ведь Леся рассказывала, что порой вот такие бабульки, как я, становятся героинями самых забавных историй, в которых и молодое тело обретают, и кучу проблем…

Взволнованно вытащила руку из-под одеяла и посмотрела на неё. Так и есть! Рука-то совсем не моя! Потому и кожа мне упругой показалась, и спина не болела, пока на холоде в неудобной позе сидела! Мама дорогая! Я что же того! Из старушки в молодушку, только без пластики?

– Дай-ка, ей своего этого выпить! – потребовал Франс. – А то она так продрогла, что и говорить не может!

Пьер с любовью погладил пузатую бутылочку и зыркнул на меня как на вражину последнюю. Ох, да не надо мне!

– Я не пью, – уже практически нормально ответила я.

Оба мужчины повернулись в мою сторону. Пьер тут же достал новую рюмку и плеснул туда совсем каплю, лишь дно, похоже, закрасил.

– Ты, молча, сиди и делай, что тебе говорят, – жёстко осадил меня Франс.

Пьер шустро метнулся ко мне, чуть не перевернув по дороге какой-то сундук, стоявший на полу:

– Да! – радостно сказал он. – Да, да, да, – протянул он мне рюмку и кивнул. – Да! Согреетесь в миг.

Смешной он, точно пирожочек, сбежавший из печки, нескладный такой, а глаза хоть и пьяные, но добрые-добрые. Приняла рюмку и с тоской посмотрела на её содержимое, Франс сверлил меня своим синим недовольным взглядом в ожидании. Зажмурилась и хлопнула всё, что было.

Сладкое какое, но вкусное словно с вишни наливка. Глянула на мужчин, и комната слегка качнулась.

– Это драконье. Посиди смирно и через пару минут всё пройдёт, – сказал мне Франс, насмешливо улыбаясь.

Вот ведь гадёныш мелкий! Ремня бы ему всыпать, будет знать, как порядочных бабушек всякой пакостью поить!

– Пьер, у тебя же целительский дар, вот скажи: бывает так, что после того, как чуть не утонул, память отшибло напрочь? Что даже имени своего не помнишь? – услышала я голос Франса.

Его голос звучал, будто издали и шёпотом. Комната опять закрутилась перед глазами.

Ох, не нравится мне моё состояние: ещё давление вдруг подскочит. Я хоть и не гипертоник, но всё же! Маша, Маша, ну, что за глупости тебе в голову лезут! Тело-то не твоё, чужое! Какая гипертония, ёшкин кот!

– Такого не слышал, – ответил также, словно из колодца, Пьер. – Но знаю, что у обычных людей от сильного стресса или после ударов по голове память пропадала. Кратковременно. Да.

– Как думаешь, может и после того, как чуть не утопился, память пропасть? – не унимался Франс.

Пьер задумался, плеснул себе ещё жуткой жидкости:

– Хм. Да! Да, да, да. Вполне возможно. Да, – он кивнул и выпил.

Я, не отрываясь, наблюдала за ними: забавная парочка! Высокий и плечистый Франс и округлый коротышка Пьер, как они вообще могли подружиться, учитывая невыносимый характер первого? Наверное, потому этот Пьер и говорит всё время «да», потому что перечить такому товарищу гиблое дело.

– А она что тонула? Когда? – спохватился Пьер. – Её же надо согреть, осмотреть! Это ты её спас? Как долго она была под водой?

Надо же, как голос у него преобразился! Будто и не пил вовсе и робость вся ушла! Профессионала включил, по всей видимости!

Я резко повернулась, чтобы его получше рассмотреть, и меня опять завертолётило. Так Гена в детстве говорил. Как сейчас помню: долго кружится вокруг своей оси и падает на ковёр, смеётся и кричит: «Мама, меня завертолётило!».

Ох, как всё заболело внутри, такая тяжесть навалилась! Со всеми этими разборками да выяснениями я совсем позабыла о том, как сюда попала. А ведь меня сын родной в дом престарелых сдать хотел…

– Подарил? – донёсся до меня удивлённый возглас Пьера. – А Адалина как же? Франс, ты ведь не собирался любовницу заводить… – растерянно прошептал он и посмотрел на меня почти трезвым взглядом.

Чего-чего? Любовницу?

– Я и не буду! Прекрати! Иди вот лучше просканируй её! Может, вольёшь в неё немного своих сил, и память вернётся, – устало сказал Франс. – Мне от неё клятва нужна.

Пока они там выясняли, что да как, я рассеяно рассматривала обстановку. Да это точно не номер-люкс и, судя по сиротливому горшку под кроватью, времена здесь не самые просвещённые. Взгляд скользил по шкафу, растянувшемуся вдоль стены, и неожиданно упёрся в хорошенькое девичье личико. Узнавание было мгновенным: там, на глянцевой поверхности я увидела новую себя!

Вскочила с места и, пошатываясь, подошла к шкафу. Мужчины как раз увлечённо спорили по поводу любовниц, Дара и Адалины, которая оторвёт кому-то мужское естество. Правда, Пьер всё больше поддакивал: у него прямо талант противостоять, соглашаясь!

В свете пульсаров хорошенько себя разглядеть не получалось, но в целом я была шокирована увиденным. Мне же лет девятнадцать! Мать моя женщина! Не веря, принялась щупать свои щёки, тыкать в них пальцем, потом потрогала идеально гладкую шею…

– Эй, ты что делаешь? – настороженно воскликнул Франс.

Да, как объяснить ему, что я тут делаю?

– Показалось, что синяк под глазом. Ты меня часом не бил? – в тон ему спросила я.

Пьер от моих слов пошёл пятнами, запыхтел:

– Мадемуазель, вы что! Франс никогда бы не поднял руку на женщину, каков бы ни был её моральный облик! Да! Да, да, да! – возмутился он.

Да, такие, как он просто оставляют женщин замерзать насмерть! Ладно, не оставляют, но пытаются.

Я перевела взгляд на Франса, и мне захотелось провалиться сквозь землю. Я так бежала к этому злополучному шкафу, что оставила одеяло на стуле и теперь стояла тут в одной тонкой сорочке. Хорошо, что ткань хотя бы подсохла, а то и вовсе опозорилась бы я полностью! Зато мой спаситель впервые посмотрел на меня без презрения и недовольства, а с большим таким интересом. Знаю я такие взгляды! Пора бы мне, правда, что идти к себе, только подсказал бы кто: где моя каюта!

Быстренько усевшись обратно на стул и завернувшись по самую шею в одеяло, я немного успокоилась. Конечно, я хоть и в молодом теле, но женщина более чем зрелая. Ни к чему мне тут непонятно кому авансы давать! Да и вообще. Мне вон и после Петиной смерти никто не был нужен, а тут что во все тяжкие пущусь, раз помолодела? Ни за что!

Франс тем временем не сводил с меня странного взгляда, как будто кого-то во мне узнал, но сообразив, что я его поймала за этим разглядыванием, нахмурился и отвернулся.

– Похоже, вы всё-таки воды нахлебались, раз выдумываете подобные глупости! – сухо сказал он и выжидающе посмотрел на товарища.

Пьер сообразивший, что от него жду действий, подбежал ко мне и смущённо посмотрел в глаза:

– Мадемуазель, я сейчас проверю ваше здоровье, – сказал он, слегка робея, и протянул ко мне руки.

Как интересно! Точно как наши шарлатаны-экстрасенсы! Они тоже руками водят обычно и всякую чушь потом рассказывают. Про заряженную воду и вовсе вспоминать стыдно: сама верила первое время и в банках под раковиной хранила.

Пьер явно шарлатаном не был: от его рук сначала пошло ощутимое приятное тепло, а потом и вовсе полился золотистый свет, который, касаясь меня, исчезал, словно впитываясь в губку. Ощущения были самые приятные, я окончательно согрелась, а головокружение от

драконьего вина отступило, даже небольшие ранки на руках и мозоли на ногах прошли! Как бы молодо не было тело, его в последнее время похоже нещадно эксплуатировали на тяжёлой работе.

– Мадемуазель, вы полностью здоровы. Правда, истощены. Вам необходимо лучше питаться и беречь себя. Вы таскаете тяжести? – практически трезвым голосом спросил Пьер.

– Наверное, – отозвалась я неуверенно.

А что я могла сказать? Я без понятия, чем это тело занималось до меня.

– Вам стоит отказаться от этого занятия. Спина ваше слабое место, – поучительно сказал Пьер. – О! Да! Да, да, да! В вас есть магия! Правда, она в зародышевом виде, совсем слабая, – воодушевлённо воскликнул он и посмотрел на Франса. – Похоже, твой Дар пробудил источник.

Чего? Я что какая-то ведьма? Только этого не хватало! Не хватало превратиться в местную Бабу Ягу! Хотя, какая я теперь баба, скорее девушка Яга.

– Прекрасно. Только совершенно неинтересно, Пьер! Лучше попытайся вернуть ей память! Завтра вечером мы прибываем в Марьель! Не хочу, чтобы какая-то наглая девица ходила по улицам и всем рассказывала, что она любовница дракона! Представь, что будет, если она приедет в столицу? – возмутился Франс.

Я даже рот открыла от возмущения! Это я-то наглая девица? Это он-то дракон? Может дракон это какое-то звание номинальное или титул? По крайней мере, теперь мне ясно о каком драконе он без умолка твердил – о себе любимом!

– Очень сомнительная причина для гордости! Никому я подобное не скажу, можете не волноваться! Не в моих интересах портить репутацию такими заявлениями! – возмутилась я. – И вообще, может, прекратите меня оскорблять? Такая, не такая, наглая! Я вам очень благодарна за спасение, но хватит!

В каюте повисла гробовая тишина. Пьер опасливо отошёл от меня подальше и ловко плеснул себе драконьей бурды. Видимо, смотреть на то, что сейчас будет без допинга, было выше его сил.

Франс с обманчиво спокойным видом глядел на меня из-под длинных ресниц, но мне он напомнил закипающий чайник с гудком, который вот-вот рванёт. Одно время был у меня такой, как закипит, так орёт на всю квартиру благим матом. Чувствую, этот тоже сейчас заорёт.

– Если я услышу от вас ещё хотя бы слово, то приму ваше предложение прямо сейчас, но поверьте – вы будете этому не рады! Не превращайте меня в чудовище, мадемуазель! Лучше напрягите извилины и вспомните своё имя, наконец! – прорычал он и его глаза стали почти чёрными от ярости.

Ох, ты ж какой! Сколько эмоций сразу! Нет, будь я впечатлительной девятнадцатилетней девушкой, точно испугалась бы, но я – не она.

– Я бы с радостью произнесла вашу дурацкую клятву, если бы могла! – спокойно отозвалась я.

Бедняга Пьер испуганно смотрел, то на меня, то на своего друга, он явно переживал, чем всё закончиться:

– Франс, мне кажется, что мадемуазель совершенно не планирует использовать твою доброту во зло. Она, похоже, просто совершенно не понимает о чём идёт речь, – миролюбиво сказал он.

Франс посмотрел на приятеля, потом на меня, покачал головой, отчего серебристые волосы разметались по плечам. Ух, Леське бы понравился!

– Давайте клятву без имени. Она не так сильна, но откат всё равно будет, если вздумаете нарушить, – пристально глядя на меня, сказал он.

Быстро остыл, значит, умеет справляться с эмоциями. Ценю это в мужчинах, а то есть такие, что заведутся и ходят грозной тучей целый день.

– Не вздумаю. Какие-то слова особые? – спросила я.

– Просто пообещайте сохранить Дар в тайне, – уже окончательно успокоившись, ответил Франс.

И чего так на меня уставился? Руки свои огромные на широкой груди скрестил и смотрит неотрывно. Цветы на мне не растут! Ох, привыкну ли я, что тело у меня молодое и привлекательное, что я теперь хороша да соблазнительна для вот таких вот молодчиков?

В таком мире это ведь ещё и опасно! Узнать бы хоть, кто я такая, ведь по всему выходит, что тело не пустовало, меня дожидаясь, а очень даже жило своей жизнью с другой душой внутри и даже что-то предлагало вот этому вот дракону или кто он там!

– Клянусь, что никому и ни при каких обстоятельствах не расскажу про Драконий дар, полученный от Франса, – подняв руку как в американском суде, сказала я.

Франс тяжко вздохнул и закатил глаза или мне показалось?

– От барона Шантье! – поправил он меня.

– Простите, но вы не представились! – пробурчала я и послушно повторила клятву, сменив имя на титул и род. – А теперь я могу пойти спать? – устало поинтересовалась я.

Глаза слипались, и почему-то сосало под ложечкой, видимо хозяйка этого тела действительно плохо питалась, а это значит, что она бедна, да и пораненные руки и мозоли на ногах – от сытой жизни в достатке вряд ли у неё всё это было бы.

– Конечно, если помните где ваша кровать, – насмешливо ответил Франс он же барон Шантье.

Да уж. Мне приходилось изучать не только саму кухню, но и её историю, а история кухни всегда тесно связана с историей народа. Из этой самой истории я точно вынесла одно: голодная простолюдинка никогда не должна забывать своё место, а я явно о нём забыла за время общения с бароном и ни раз. Если бы ему не была нужна моя клятва, он бы, наверное, наказал меня за такое поведение.

Я внимательно посмотрела на Франса: волевой подбородок, решительный взгляд, прямой нос. Я не зря сразу отметила благородство черт. Нет, не стал бы такой меня наказывать, да и эти угрозы… Хотя, когда он вот так пристально смотрит и слегка улыбается уголками красивых губ, у меня внутри просыпается чувство, что не так уж он и прост!

Визуал героя

Решила, что пора вам показать нашего дракона. Он, разумеется, очень плохой и противостояние будет жарким, но не спешите судить его строго. Ведь он нашу Марь Иванну спас и какой-то загадочный Дар подарил! Может, он ещё не потерян для общества!

Франсуа де Риво, барон Шантье

Глава 3.

Моё определение на ночлег решилось неожиданно просто: Пьер, краснея, предложил отвести меня к одной из подавальщиц, с которой успел свести знакомство. Судя по тому, как он, даже будучи пьян, разрумянился, упоминая эту Клару, знакомство было довольно близким.

– Вы не волнуйтесь, мадемуазель, я провожу вас до дверей каюты, а постучите вы сами, чтобы нас никто не увидел вместе. Я ведь понимаю, какой урон это может нанести вашей репутации, – сказал он серьёзно.

Хоть кто-то здесь волнуется о моей репутации, я сама о ней, конечно, подумывала пока сидела тут с двумя молодыми мужчинами ночью в одной сорочке, только барон не давал слишком уж переживать, наседая и пугая своими требованиями.

– Всего хорошего, мадемуазель, – сказал он скупо. – Очень надеюсь, что память к вам вернётся, и тогда моё поведение не покажется вам странным, и ещё больше рассчитываю с вами впредь не встречаться.

Я на такие заявления промолчала, да и смысл что-то говорить. Мне наше знакомство тоже не особо понравилось, хоть и спасибо ему, конечно, что не дал утонуть.

Сейчас, стоя босиком на холодном и, по всей видимости, грязном полу, я зябко куталась в собственные руки и смотрела на дверь каюты той самой Клары. Медлить бессмысленно, так и до утра можно тут простоять, поэтому я решительно постучала. Спустя пару секунд, за стенкой послышалась какая-то возня и женский голос насторожено спросил:

– Кто там? Я никого не жду!

– Клара, откройте, пожалуйста, – взмолилась я.

Сил уже не было, это тело хоть и было ловчее и быстрее, но я, похоже, истощила последний резерв, пока сидела в каюте Пьера, и теперь окончательно обессилила.

– Мари-Элиза? – недоверчиво воскликнула женщина и приоткрыла дверь.

Хоть имя своё, наконец, узнаю! Мари-Элиза – красиво и почти как моё родное, удобно, что не говори.

В появившуюся щёлку выглянула женщина лет тридцати в кружевном чепце и ночной сорочке в пол и с длинным рукавом. Она поднесла свечу ко мне поближе:

– О, пресвятая Анна! Это действительно ты! – она окинула взглядом мой внешний облик и побледнела. – Неужели ты всё же послушалась дурного совета Агаты! Входи скорее!

Она практически затянула меня в крошечную комнатку и усадила на свою кровать, потому что стульев у неё не было. В рваном свете свечи Клара напоминала пышное приведение с моторчиком. Молодая женщина обладала выразительными формами, которые не скрыть никаким балахоном, и деятельной натурой. Она тут же засуетилась: открыла шкаф, достала оттуда шаль, налила мне воды, укутала, напоила, заставила поднять ноги на кровать и принялась их растирать, и всё это ругая какую-то Агату и её паршивое нутро.

– Он отказал тебе, да? – прекратив бурчать себе под нос, спросила она. – А почему у тебя волосы влажные? О, святая Анна! Он что тебя водой окатил?

Я всё это время наблюдала за её суетливыми движениями и молчала. Клара явно была старшей подругой для Мари-Элизы и подругой искренней, а вот Агата, похоже, напротив. Как я поняла, эта Агата посоветовала юной хозяйке этого тела пойти к барону с сомнительным предложением. Но почему Мари-Элиза решилась это сделать?

– Клара, я упала за борт. Это вышло случайно…

– Матерь богов! Мари! Ты же могла утонуть, у тебя теперь может начаться воспалённое дыхание и горячка! – испуганно взмахнув руками, сказала Клара. – Как же ты выбралась из воды?

– Успела ухватиться за верёвку и удержалась, – ответила я.

Врать этой доброй и явно расположенной ко мне девушке было неприятно, но я просто не могла рассказать правду. Про Дар этот драконий и вовсе язык не поворачивался сказать, даже если бы я вдруг захотела!

Клара на мой ответ отреагировала очередным взмахом рук и прижала их к груди в молитвенном жесте:

– О, пресветлая Анна! Мари, тебе же несказанно повезло! – воскликнула она и порывисто обняла.

– Клара, ты только не волнуйся, – решившись, произнесла я, – я, похоже, так сильно испугалась, что теперь совершенно ничего не помню.

Лицо девушки довольно красивое с пухлыми щёчками и ярко очерченными губами вытянулось, а в больших карих глазах появился испуг:

– Как ничего не помнишь? Матерь богов! – вновь всплеснула руками она. – И что значит совершенно?

– Даже кто я не могу вспомнить. Думаю, это шок после падения за борт. Память, наверное, вернётся, но сейчас я, как слепой котёнок, – виновато улыбнулась я.

Ох, как же неприятно и гадко обманывать эту Клару, но выхода другого нет, по крайней мере, пока.

– О, Мари, как же это ужасно! – с ужасом воскликнула Клара.

– Да, но, если ты не против, давай, обсудим это завтра? Просто отведи меня в мою каюту. Я невыносимо устала и хочу прилечь, – стараясь добавить в голос слезливости, сказала я.

Никогда не умела вот так строить из себя несчастную жертву, но сейчас моё состояние было на руку и получилось достаточно несчастно и убедительно.

– Ох, разумеется! Сейчас же и отведу, – тут же подхватилась с места Клара. – Бедная ты моя, как же ты будешь? Хорошо, что завтра мы к вечеру должны быть в Марьеле, но там куда? – она покачала головой. – Вот, – протянула мне поношенные башмаки, – хоть дойти, а то все ноги избила без обуви-то да и холодно как.

Добрая она, впрочем, и барон не такой уж гад, да и Пьер по всему человек нормальный, а это значит, что где бы я ни была, магнитом для хороших людей осталась, а это порой дороже всякого золота.

– Спасибо, Клара, – растроганно сказала я.

– Да что уж там! И шаль оставь, утром вернёшь. Нехорошо это в таком виде ночью шастать. Как ещё не встретила кого! Ой-ёй, – сказала она и, подождав пока я засуну ноги в башмаки, прихватила с полки свечу и вышла в коридор.

Я поторопилась за ней. Оказалось, что комната моя совсем рядом, только живу я в ней ни одна, а с той самой заботливой Агатой. Пока шли, меня так и швыряло из стороны в сторону вместе с кораблём.

– Ох, ты что-то совсем ослабла. Ты ела хоть чего сегодня? – спросила Клара, останавливаясь у двери, и я покачала головой в ответ. – Утром забеги ко мне, у меня кусочек сыра припрятан. Негусто, но тебе он точно нужнее. Тебе же завтра у господ прислуживать за завтраком, ещё свалишься.

Вот так новость, и как я буду это делать? Порядков-то местных я не знаю. Значит я, как и Клара, – подавальщица, ну, или по-русски говоря – официантка. Не самая тяжёлая работа, но откуда тогда раны на руках и мозоли?

– Спасибо, Клара, ты уж утром меня направь, пожалуйста, куда и что, чтобы я глупостей не наделала, – сказала я.

Женщина махнула рукой и улыбнулась:

– Не боись, всё тебе скажу. Ты только Агату не слушай больше! Дура она! Всё думает, как бы в жизни полегче пристроиться. Только её саму что-то ни один дракон брать не хочет. Наверное, чуют её паршивый характер, – рассмеялась Клара.

Я улыбнулась в ответ и толкнула дверь, которая легко открылась. Поблагодарив Клару и пообещав утром к ней обязательно зайти, я вошла внутрь. В каюте было темно хоть глаз выколи. Я замерла, пытаясь привыкнуть.

– Что-то ты долго, – раздался елейный голос слева. – Неужто, он тебя таки принял такую убогую?

Что-то щёлкнуло, и в каюте забрезжил свет от лампы похожей на керосиновую с лучиной и жидкостью внутри. Я зажмурилась, но довольно быстро привыкла к неяркому свету. В малюсенькой комнатушке из мебели было только две койки у стен и полка над каждой, да невысокий табурет посредине у стены, на котором стояла лампа, и лежало подобие кремниевой зажигалки.

На койке справа, также щурясь с непривычки, полусидела девица лет двадцати пяти на вид. Рыжая, яркая, вся такая сочная, даже несколько вызывающая. Про таких обычно говорят роковуха. Сорочка у неё была хоть и из такой же ткани, что и у меня, но вся вышитая, а вырез в области декольте показывал куда больше.

Агата, а это, несомненно, была она, потянулась и, грациозно прикрыв рот ручкой, зевнула:

– Ну, чего застыла? Рассказывай, что барон-то? – потребовала она.

Я, молча, прошла к койке и чуть ли не рухнула на неё, прикрыла глаза и поняла, что сейчас вырублюсь.

– Чего молчишь-то? – недовольно спросила Агата. – Видать вспомнила, что я тебе не ровня после того, как под драконом полежала?

Много всего мне хотелось ей сказать, но я за свою прошлую жизнь таких добрых советчиц навидалась, их просто поганой метлой надо выметать из своей жизни, даже рта не дав раскрыть. Бедная девочка, как она с такой профурой жила в одной каюте.

– Ну, подруженька, знаешь что? Раз ты так, то я…

– Свет выключи, – жёстко оборвала я девицу.

– Чего?

– Выключи свет, спать мешает, – ответила я твёрдо.

– Да ты! Я же тебе всегда добра только…

– И рот закрой! Надоело слушать твою ложь, – отрезала я и отвернулась к стене.

Рыжая красотка ещё что-то пробурчала себе под нос, но я уже не расслышала, засыпая. Как бы ни проспать утром. Какая же подлая эта Агата: задурила молоденькой девчонке голову, а теперь, небось, ещё ославит.

Только мне это уже всё равно: завтра корабль в порт прибывает, и там у меня проблемы серьёзнее начнутся. Выяснить бы, откуда и куда плыла Мари-Элиза и почему к барону решилась идти. С такими мыслями в голове я и отключилась.

Проснулась от того, что кто-то тихонечко прикрыл входную дверь, потёрла глаза и уставилась на пустую койку Агаты. Похоже, это она тихонько вышла только что. Неприятная догадка кольнула внутри, я бодро спрыгнула с койки на пол и, подбежав к двери, толкнула её.

– Вот ведь, гадина! – выругалась я вслух.

«Добрая» соседка по комнате меня заперла, явно рассчитывая, что я опоздаю к завтраку, за которым прислуживаю каким-то господам. Прекрасно!

Помянув Агату массой тёплых слов, я решила быть наготове, ведь Клара должна заметить моё отсутствие и, возможно,ей удастся меня спасти от очередных неприятностей! Пока рылась в сундуке, стоявшем под койкой, с удивлением обнаружила, что у Мари-Элизы довольно приличный и даже вполне изысканный гардероб. В местной моде я, разумеется, не разбиралась, но ткани и качество пошива платьев были на высоте.

Выбрав простое и в меру строгое тёмно-синее платье и отыскав свежее бельё, я быстро переоделась. Прочесала густые тёмные волосы щёткой, которую нашла в саквояже, припрятан-

ном за сундуком. Там же наткнулась на пачку писем: надо бы позже ознакомиться с содержанием. Заплела косу и, засунув ноги в башмаки, села ждать.

Ждала я недолго, только к моему ужасу помочь мне Клара не могла: ключ был только у Агаты.

– Мари, не переживай! Я сейчас найду подмогу, – заверила подруга меня через дверь и ушла.

Пока её не было, я взяла из обнаруженной пачки первое попавшееся письмо и принялась читать. Это письмо было написано Мари-Элизой матери, но несчастная девушка так его и не отправила.

Мари-Элиза де Монтескю дочь разорившегося сеньора дю Палиньи оказалась на этом корабле по стечению целой вереницы обстоятельств. Причин разорения отца Мари из этого письма я, конечно, не узнала, как и причин его смерти. Зато узнала, что мать и старший брат озаботились её судьбой, отослав за океан в Американию. Там её должен был встретить будущий муж – человек без титула, но с большими перспективами, с которым мать девушки вела активную и длительную переписку.

Правда, переплыв океан, Мари-Элиза попала не в нежные объятия заботливого жениха, а в лапы афериста, от которого чудом сбежала. Негодяй присвоил всё ценное, что было у девушки с собой и намеревался сдать в работный дом.

Оказавшись на улице с нехитрым скарбом, Мари отправилась в порт, планируя вернуться домой. Только денег у неё не было, даже скромные украшения отобрал женишок. Как ещё платья да панталоны не утащил! Хорошо, что мир не без добрых людей, там и повстречалась ей Клара, которая пожалела и свела с человеком, что набирал персонал для плавания во Франию. Так Мари-Элиза и оказалась на этом судне.

В письме девушка умоляла мать принять её обратно, но судя потому, что адресату послание доставлено не было, особой надежды на благосклонность родительницы она не испытывала.

Сложить все факты было несложно: бедняжка просто не выдержала всех навалившихся бед и даже помощи просить у родни побоялась. Возможно, так и маялась всё плавание, понимая, что не нужна никому, а тут советчица нашлась, которая в уши лила изо дня в день. Девочка и решилась к барону в любовницы, а тот, по всему выходит, отказал. Только как в воде она оказалась? Неужели так отчаялась, что сама прыгнула?

Я как раз дочитала письмо и обдумывала полученную информацию, когда из коридора послышались голоса. Затем раздался громкий хлопок и дверь распахнулась. На пороге стоял барон Шантье и недовольно поглядывал на меня.

Надо признать, что в дневном свете он ещё ужаснее и ещё краше. Точно как в этих Леськиных историях о всяких властных мужиках. Тьфу! И о чём только думает моя седая голова! Хотя, немудрено: я ведь первое приятное об этой новой жизни что вспомнить могу? Правильно! Поцелуй с этим бароно-драконом.

Я лишь глубоко вздохнула, радуясь, что мне с такой змеюкой больше не придётся ночевать в одной комнате. Мало ли что она ещё может придумать, вон какая мстительная оказалась!

Мы как раз закончили сервировку, когда в столовую потянулись пассажиры. Заметив среди них Пьера и Франса, я захотела поскорее уйти, но, как оказалось, мы должны стоять рядом с этим сухоньким мужичком весь завтрак и ждать пожеланий от господ.

В целом, всё шло вполне сносно, никто из местной элиты не капризничал, все дружно жевали. Пока носила на стол закуски и выпечку, заметила скудность ассортимента. На моё любопытство кок вскинул брови: мол, что я сухопутная могу понимать, к концу плавания всегда есть особо нечего. Да уж, корабль это тебе не самолёт, тут с припасами не угадаешь. Особенно если учесть, что в этом мире нет холодильников.

Пару раз поймала на себе изучающий взгляд Франса, он, похоже, так до конца и не поверил, что существуют женщины, которым не хочется хвалиться своими шалостями с драконом. Я же внимательно изучала местный быт, манеру обращения друг к другу и пришла к неприятному выводу: единственным плюсом во всей этой ситуации было молодое и вполне красивое тело. Больше положительных моментов для себя я не нашла.

Пока длился завтрак, я непрерывно перекатывала в голове последние минуты своей жизни и ругала себя – старую дуру, что не послушалась внучку и не свернула к обочине. Мало ли кто ещё пострадал, ладно я. Я-то жизнь прожила! Да какую насыщенную! А там может ещё кто-то погиб вместе со мной. От таких мыслей становилось горько, но я старалась их гнать: изменить ведь я уже ничего не могу. Раз распорядились так высшие силы, что оказалась я в теле юной Мари-Элизы, значит, были на то причины. О сыне, невестке и их гадком замысле я вообще думать не хотела. Тут я теперь точно ничего не решаю, опять же значит так должно быть.

Возможно, я здесь, чтобы что-то изменить, улучшить, научить кого-то нужному, новому. Я ведь всегда любила новое узнавать, да столько всего к старости умела, не зря же школу открыла. Может статься, я и здесь пригожусь и пользу принесу.

– Мадемуазель, – окликнул меня старичок, – барон Шантье попросил воды, – с нажимом добавил он.

Похоже, я задумалась, и он уже не в первый раз обращался ко мне, а я не слышала. Расслабила булки, как моя Леська говорит.

Быстренько подошла к столику с напитками и закусками и взяла графин с водой. Проходя мимо Агаты, поймала её злорадный взгляд и в следующее мгновение полетела кувырком! Вода из графина фонтаном окатила барона и сидевшую рядом с ним полную пожилую даму. В последний момент я смогла сохранить равновесие и не пропахать носом пол, но водички я барону и его соседке подала эффектно и, что уж там говорить, по самые уши.

Мокрый Франс выглядел совершенно не хуже чем сухой, даже как-то интереснее что ли.

Ой! Что я такое вообще думаю! Меня теперь, наверное, лишат оплаты и вообще всячески накажут!

Тем более что соседка барона однозначно интереснее не стала. Она итак сидела весь завтрак с недовольным лицом и явно ждала к чему бы придраться, а тут такая возможность!

Я виновато прижала графин к груди и потупила взгляд, стараясь не смотреть на даму, у которой от воды что-то произошло с причёской, и та съехала и вся как-то скукожилась. Мама родная, она меня просто уничтожит после того, как увидит это безобразие в зеркале.

– Простите, я оступилась, – сказала я и кинула мимолётный взгляд на подлую Агату, которая подставила мне подножку. – Я сейчас принесу полотенца.

Я уже рванула к дверям, когда раздался громогласный голос барона:

– Не нужно! – жёстко воскликнул он, и я замерла на месте.

Медленно обернулась и посмотрела на него. Барон едва заметно качнул головой и взмахнул рукой. Комната на мгновение наполнилась сумасшедшим тёплым ветром, словно заработала турбина самолёта. Как посуду со стола не снесло непонятно! Ветер утих также внезапно, как и появился, а Франс и его соседка уже сидели совершенно сухие. Правда, прическа дамы не вернула себе прежнюю форму, стало только хуже, но все присутствующие старательно не смотрели на эту жуткую паклю.

– О, благодарю вас, барон! Это огромная честь для меня! – залебезила дама, щедро улыбаясь Франсу.

– Бросьте, мадам Спивак, это сущая мелочь, – галантно отозвался он и улыбнулся в ответ. – Думаю, инцидент исчерпан, и мы не станем наказывать эту неуклюжую девчонку.

Мадам чуть в обморок не грохнулась от счастья, а ведь женщина почтенного возраста! Может, это я какая-то не такая и неспособна флиртовать с теми, кто мне во внуки годится?

– О, барон, вы столь великодушны! Как мало этого качества сейчас в молодых людях! – воскликнула дама, прижимая пухлые руки к пышной груди.

– Что вы, мадам. Я всего лишь стараюсь соответствовать местному обществу, – ответил Франс, и я мысленно усмехнулась.

Он всего лишь спас мою шкуру, которую великодушная мадам Спивак порезала бы на ленточки, не задумываясь. Умеет этот дракон плести словеса!

– Мадемуазель, – воскликнул барон и пристально посмотрел на меня.

Все тоже глянули на меня, выжидая, что же сейчас будет.

– Я всё ещё жду свою воду, жажда уже невыносима! – жёстко добавил он, прожигая меня синими глазищами.

– Простите, – пролепетала я неожиданно тихо.

Вот почему в нашем мире нет таких мужчин? Есть похожие, почти такие же, но всё же не те. Тут одного взгляда и интонации достаточно, чтобы даже бабуля с опытом работы на кремлёвской кухне и собственной ресторанной сетью заробела!

На этот раз я внимательно следила за Агатой и обошла её максимально далеко, аккуратно налила барону воды и вернулась на своё место в углу. Франс наблюдал за каждым моим движением, и я чувствовала, что теряю уверенность в себе и трясусь под его взглядом как школьница. Что вообще за ерунда происходит?

Несмотря на внешнее недовольство барона, именно он спас остаток завтрака, отвлекая внимание местной элиты на себя. У кого-то спросил о планах в Марьеле, с кем-то обменялся последними новостями из Паризы о пополнении в королевской фамилии. Я слушала внимательно, потому что любая крупица информации сейчас была мне нужна как воздух.

– Скажите, барон, а вы не планируете открывать ресторан и в Марьеле? Наш город третий по величине во Франии и имеет полное право на приличный ресторан, в который может войти даже такой сноб как я, – поинтересовался усатый мужчина лет сорока, к которому все обращались виконт.

Вот тут я навострила уши и уставилась на барона во все глаза: он что ресторатор? Не может быть!

– Боюсь вас разочаровать, но мои дела в столице требуют постоянного присутствия. Я итак оставил их слишком надолго, но причина была веская, – усмехнулся Франс. – Открытие нового ресторана потребует массы сил и времени, а я пока не готов распыляться.

Так и есть! У барона ресторан, и я могла бы предложить ему… Ох, Маша! Не надо с ним связываться какое-то он чувство внутри вызывает тревожное, не к добру!

Глава 4.

Завтрак подошёл к концу, все начали расходиться, а мне предстояло в компании Агаты убрать со стола. Несмотря на то, что её затея выгорела не до конца, рыжая довольно напевала, собирая чашки на подносы. Я сделала вид, что в упор её не вижу, хоть и хотелось оттаскать дрянную подругу Мари-Элизы за кудрявые патлы. Вот ведь не повезло девочке – с такой мымрой судьба свела!

– Думаешь, он тебя теперь всегда спасать будет? – проходя мимо с подносом, спросила Агата. – А может, рассчитываешь, что он возьмёт тебя с собой в столицу? Голова моя дырявая! Я ведь совсем упомянуть забыла! У дракона твоего невеста есть! Да ещё какая, таким нищим крысам вроде тебя не чета!

Не выдержав, собрала все силы хрупкого тела и прихватила гадкую девку за шкирку так, что чашки у неё на подносе зазвенели, рассчитывая, что высокий воротник платья хоть немного её придушит:

– Ну, и гадина же ты! Запомни, жизнь долгая. Всё твоё тебе вернётся, – жёстко сказала я.

Агата закашлялась и удивлённо уставилась на меня через плечо. Я заметила, что моё поведение её испугало, похоже, настоящая Мари такого бы себе никогда не позволила, сносила бы все пакости, молча. Интересно, много «добра» ей уже успела наделать эта двуличная паучиха!

– Не знала я, что ты так можешь, – сузив глаза, улыбнулась Агата, – удивила. Только это тебе опасаться надо, когда прознает невеста барона, что он перед свадьбой Дар отдал какой-то замухре, несдобровать тебе тогда! Со свету сживёт точно!

Сказав это, она дёрнулась, и я впечатлённая услышанным отпустила воротник. Это что же получается? Франс отдал мне что-то, что предназначалось его будущей жене? А ведь сказал, что не желает больше видеть, как же он тогда без своего этого Дара…

Я рассеянно собирала посуду на поднос, когда ко мне присоединилась Клара:

– Как всё прошло? Если честно, я почему-то жутко переживала! Сейчас ещё встретила Агату в коридоре, так она от меня отвернулась и мимо прошла, будто не узнала! – взволнованно сказала она и, прихватив поднос, стала мне помогать.

Я в двух словах рассказала о случившемся, не став вдаваться в подробности. Клара возмущённо охала и сердито качала головой, я торопливо сворачивала красивые вышитые салфетки, складывая отдельно те, что были использованы и нуждались в стирке.

– Клара, расскажи мне о Даре дракона, – решившись, попросила я. – Что это за Дар такой?

Девушка нахмурилась, внимательно глядя на меня, уже открыла рот, собираясь что-то сказать, но не стала, многозначительно глядя на дверь, в которую спустя мгновение вошла Агата. Красотка окинула нас насмешливым взглядом и, взяв один из подносов, ушла.

– Знаешь, тут не лучшее место это обсуждать. Удивительно, что ты ничего не помнишь, но раз такое дело, – Клара мягко улыбнулась, отчего её прелестное лицо стало ещё краше. – Давай-ка, быстро тут приберём и возьмём наш завтрак ко мне в комнату? Там и поговорим.

Я кивнула, соглашаясь, и мы в четыре руки шустро привели столовую в идеальный вид, пока Агата носила подносы с грязной посудой и остатками завтрака на кухню. Прихватив оставшиеся скатерти, салфетки и чистые запасные приборы, мы отправились на кухню, но здесь меня ждал неприятный сюрприз.

В дверях стоял тот самый сухонький дедок и недовольно смотрел на меня:

– Мадемуазель Монтескю, пойдёмте со мной! – приказал он довольно жёстко.

Клара посмотрела на меня сочувственно, а я поняла, что наказания за пролитую на гостей воду никто отменять не стал. Мало ли, что сказал барон. Наспех оставив свою ношу Кларе, поспешила за стариканом, пытаясь вспомнить, как к нему обращаться.

Мы шли по узкому коридору, периодически врезаясь в стены из-за усилившейся качки. Хорошо, идти долго не пришлось, мужчина толкнул одну из дверей и вошёл, я зашла следом. Небольшая комнатушка, скорее коморка, уставленная ящиками и мешками. У окошка стоял секретер и стул, на который мужчина и сел, совершенно не переживая, что мне сесть не на что. Видимо тут такие порядки.

– Вы ведь понимаете, мадемуазель, зачем я вас вызвал? – буравя меня колючим взглядом серых водянистых глаз, спросил он.

– Догадываюсь, мсье, – ответила я понуро.

– Это хорошо, потому как я заволновался, вдруг вы решили, что заступничество барона убережёт вас от заслуженной кары за проступки! – сказал он, явно испытывая удовольствие от происходящего. – Мало того, что вы опоздали на утренний инструктаж, так ещё умудрились проявить чудеса неуклюжести!

– Мсье, всему виной Агата. Она заперла меня в комнате, а потом сделала подножку, – возмутилась я.

Старый хрыч оскалился и с силой ударил рукой по столешнице секретера, от неожиданности я чуть ли не подпрыгнула.

– Молчать! – рявкнул он. – В отличие от вас мадемуазель Лани никогда не опаздывает, не падает в обмороки и не поливает господ водой! Она ни разу за путешествие не заставила меня пожалеть о своём назначении на корабль, а вы! Вы уж простите, мадемуазель, вы – ни рыба, ни мясо! Ни одного достоинства, за которое я мог бы зацепиться и смягчиться по отношению к вам! В качестве компенсации мне лично и остальному персоналу, которому приходиться вас терпеть, сегодняшний день вам не оплатят.

– Тогда на этом моя работа сегодня закончена. Верно? – не отрывая от мужчины глаз, спросила я.

– Что? Вы ещё изволите шутить? – вскипел он. – Остаётесь на кухне и помогаете с чисткой овощей и кастрюль! Ещё одно слово, и я уменьшу вашу оплату ещё на день!

Он даже слюной брызгал и глазами сверкал так, что они должны были вот-вот выпрыгнуть из орбит.

– Свободны! Какое счастье, что к вечеру мы войдём в порт Марьеля! Наконец, избавлюсь от вас, – достав платок и промокнув им залысины на крутом лбу, сказал он устало.

Я вышла и расстроено побрела на кухню. Меня совершенно не огорчала работа на кухне, она была даже кстати: ведь я ещё не отыскала свой передник. Я расстроилась собственной несдержанности: годы руководящей работы не проходят мимо, привычка отвечать людям так, как они того заслуживают ещё не раз будет портить мне жизнь.

А ведь мне показалось, что я ничего такого не сказала. Видимо, в этом мире дела обстоят точно как на Земле лет триста назад, а это не сулит женщине без средств и поддержки родственников ничего хорошего.

Похоже, ко всему прочему Мари-Элиза не была сильна в бытовых вопросах и приносила местному руководству массу забот.

– Мари, ну как всё пошло? Наш Жан-Жак сильно злобствовал? – тут же налетела с расспросами Клара. – Лишил тебя денег? Орал?

Она уже поджидала меня в дверях с блюдом уставленным тарелочками, от которых шёл просто божественный аромат. Овсянка, хлеб и сыр, какой-то паштет… О я сейчас просто слюной пол залью! Давненько я не испытывала такого безумного голода!

– Клара, я умоляю, давай поговорим у тебя! Я так хочу есть, что сейчас наброшусь на тебя и всё отниму! – призналась я.

Девушка рассмеялась и кивнула темноволосой головой в сторону кухни:

– Там ещё поднос с кофе и двумя булочками. Мадам Спивак, насколько я поняла, сказала им «фи», и мсье Косма так расстроился, что раздал всё матросам, и вот нам перепало по одной, – Клара подмигнула и пошла в сторону кают для персонала.

Я взяла поднос с двумя чашками дымящегося напитка и сладостно втянула ноздрями аромат. Какое счастье, что в этом мире те же продукты!

Пока шла, поймала себя на том, что уже неплохо ориентируюсь, возможно, это была лишь память тела, но до каюты Клары я добралась без проблем. Там, поставив подносы прямо на кровать и усевшись рядом, мы принялись за завтрак. Ела и понимала, что еда не особо вкусная, какая-то пресноватая, но, тем не менее, на голодный желудок всё равно было вполне сносно.

– А теперь, давай рассказывай, что сказал наш старикан, – откусывая кусочек булочки и запивая её уже остывшим кофе, сказала Клара.

– Лишил меня оплаты за сегодняшний день и отправил на кухню чистить овощи и мыть посуду, – ответила я, хмурясь.

– Бедная моя! Держись, мсье Косма сегодня не в духе.

– А мы с ним вообще ладим? Я ведь не помню ничего, Клара. Скажи честно, я хороший работник? Только не приукрашай. Хочу понять, от чего такое отношение, – попросила я.

Клара смутилась, делая вид, что заинтересована содержимым своей чашки:

– Ну, Мари, хоть ты и не помнишь, но ты из аристократической фамилии, и там, конечно, никто не учил тебя прислуживать, – выдала, наконец, она. – Ты немного неловкая ко всему, да и стеснительная из-за чего массу ошибок совершала особенно в самом начале. Но теперь-то ты многому научилась, ты вообще быстро всё схватываешь! Главное не тушуйся.

Она замолкла и внимательно посмотрела на меня, а я только теперь сообразила, что сижу нога на ногу:

– Хм, тебе так удобно? – удивилась она, и я кивнула в ответ. – Я так понимаю, домой возвращаться ты не станешь? Ты ведь тогда не отправила то письмо.

– Зачем идти туда, где никто не ждёт?

– А твой сводный брат?

Вопрос меня удивил, но ещё больше озадачил блеск в глазах Клары.

– А причём тут брат? – спросила я заинтриговано.

– Ну, как же, Мари, – всё больше смущаясь, сказала она. – Ты столько говорила мне о нём… Прости, я не то подумала.

– Клара, скажи пожалуйста как есть. Я ведь не шучу, когда говорю, что совершенно ничего не помню, – сказала я и глотнула кофе. – Почему ты заговорила о брате?

Я видела по лицу девушки, что она сомневается, стоит ли что-то говорить, но интуиция подсказывала, что эта информация очень важна. Впрочем, в моём положении любая информация может быть важной.

– Ты никогда не говорила напрямую, но сыпала в его адрес столько восторженных эпитетов. Каждый раз, вспоминая дом, ты упоминала лишь его. Прости, но я, наверное, сделала неверный вывод, – окончательно устыдившись, призналась она. – Да и портрет, который ты прячешь в своём молитвеннике…

О. Вот значит как! Очень странная история и лезть в неё я точно пока не готова. К тому же всё это может оказаться просто родственной симпатией. Мы, молча, жевали булочки, которые оказались просто восхитительными, и пили кофе. Я обдумывала рассказанное Кларой, планируя задать новый вопрос, она посматривала на меня, словно пытаясь проникнуть мне в голову и узнать, что же с моей памятью на самом деле.

– Скажи, почему ты спросила о Даре? – поставив чашку на поднос, спросила она.

– Потому что Агата сказала, будто невеста барона прикончит меня, если узнает, что он отдал мне Дар. Она вбила себе это в голову и говорит всякие гадости, – выкрутилась я.

Клятва, данная мной Франсу, слегка пощекотала внутренности, предупреждая, что хожу по грани.

– Вот ведь змея! Ну почему ей мирно не живётся! – возмутилась Клара. – Хотя она конечно права, будь Дар у тебя, невеста барона действительно была бы в бешенстве. Без него она не сможет понести и родить наследников, да и близость, хм, с драконом станет неприятной как минимум, – ответила Клара. – Хорошо, что Агата живёт в мире своих фантазий. Случись подобное, ты бы стала любовницей дракона, и он мог бы распоряжаться твоей жизнью.

Сказать, что я была в шоке – промолчать! Получается, я могу стать игрушкой барона в любой момент? Как он там мне угрожал? Могу принять предложение и вам не понравиться? По спине прокатил липкий холодок, Франс мужчина симпатичный и, исходя из того, что он сделал сегодня за завтраком, неплохой вроде как, но тем не менее.

От открывшихся не радужных перспектив сердце яростно забилось в груди. Захотелось немедленно сойти на берег и уехать как можно дальше от барона в какое-нибудь захолустье! Только для того, что я задумала, захолустье не подойдёт.

– Клара, а что будет, если дракон Дар подарит, и на этом всё? – спросила я.

Клара выпучила глаза и даже подалась в мою сторону в возмущённом порыве:

– Как это всё? Я о таком и не слышала. Зачем тогда дарить, если не для продолжения рода? – удивилась она.

– Ну, а вдруг девушка исчезнет, спрячется, уедет? – сыпала предположениями я.

– Зачем? Сама посуди, Мари, какая дура захочет спрятаться от дракона? Да и найдёт ведь! – рассмеялась Клара. – Давай-ка, мы итак засиделись.

– Подожди! Ну, а теоретически, как думаешь, что было бы? – не унималась я.

– Ну, вроде у Дара срок какой-то есть, потом он к своему владельцу возвращается сам. Но это не проверенная информация. Все эти обряды драконьи, куда нам до них, – вставая, отозвалась подруга. – Погоди, барон, что тебе Дар подарил?

Я тут же покачала головой, стараясь сохранить невозмутимый вид:

– Нет, что ты! Просто я же совсем не помню ничего, вот и интересуюсь, надеюсь, что память за что-то зацепится и возвращаться начнёт, – ответила я.

Ложь так и жгла язык, но рассказать правду я в любом случае не могла. Придётся всё же барону со мной ещё разок поговорить! Пусть объяснит мне, какого лешего всучил мне этот Дар! Он же отказал Мари-Элизе в статусе любовницы, так зачем? Правда, он что-то говорил о Даре жизни, может… Ох, да ведь он меня с того света вернул, когда я второй раз тут уже в воде окачурилась! А что же будет, когда у Дара срок кончиться? Я опять умру?

– Клара, ты не могла бы сказать мсье Косма, что я скоро подойду? Хочу поблагодарить барона за помощь во время завтрака, – сказала я и, поправив наряд, посмотрела на подругу.

Клара глядела на эти действия, слегка прищурив глаза и наклонив голову набок, она точно подозревала меня во вранье, но понимала, что пытать бессмысленно:

– Знаешь, Мари, после прошлой ночи ты очень странная, – сказала она. – Вроде и не помнишь ничего, а потом бах и как что-то сделаешь или скажешь. Ты точно здорова?

Я улыбнулась и, протянув руку, обняла Клару за плечи. Хорошая она! Настоящий друг, да и умница как не посмотри. Жаль, что врать ей пришлось. Откровенно говоря, я и расставаться с ней не хотела бы, но у неё в Марьеле сестра и племянники, не поедет она со мной в столицу.

– Клара, спасибо тебе за беспокойство, но я прекрасно себя чувствую. Особенно после такого завтрака!

– Ну, мсье Косма решил, раз вечером будем в порту можно не экономить на нас, – рассмеялась Клара. – Ладно, беги. Только с бароном долго не любезничай!

Барона я нашла на палубе, прохладный морской ветер трепал его серебристые волосы, а весь облик был суровым и задумчивым, даже идти к нему расхотелось. Правда, выбор не велик:

я должна знать, к чему готовиться. Франс как раз меня заметил и помрачнел ещё больше, глубоко вздохнула и направилась к нему.

– Простите, мсье барон, но мне пришлось вас ещё раз побеспокоить, – как можно более почтительно сказала я.

Море билось о борт, распыляя в воздухе холодные солёные брызги, я даже поёжилась, глядя на серую пучину волн.

– И что же вам нужно на этот раз? Взломать дверь или высушить кого-то? – довольно резко поинтересовался он в ответ.

Что это на него нашло? Разве я лично хоть раз его о чём-то попросила? Да и мог не помогать, если так тяжело на душе теперь!

– Ответ на вопрос. Но для начала я хотела вас поблагодарить, вы дважды за утро меня спасли, и я…

– Вопрос, мадемуазель. Оставим формальности. Мы оба знаем, что на искреннюю благодарность вы не способны, так что не отнимайте моё время этими расшаркиваниями, – недовольно отозвался он.

Стало неприятно, но я быстро взяла себя в руки. В конце концов, это мне нужны ответы, а не ему:

– Вопросов на самом деле несколько, но есть один самый важный, – не отводя глаз, начала я, хоть барон и смотрел на меня с презрительной насмешкой.

Знал бы он, сколько я таких мальчиков на место ставила на своей кухне. Приходили, грудь колесом шеф-поваров из себя строили, думая подмять под себя, а потом катились вон колбаской по Малой Спасской. Конечно, сейчас я не в том положении чтобы выделываться и кому-то что-то доказывать, но всему своё время.

– Зачем вы отдали мне Дар, если не желали взять в любовницы? – спросила чётко и глаз не отвела.

Барон на мгновение изменился в лице, пусть это был краткий миг, но я видела, что мои слова его удивили:

– А вы пришли освежить своё предложение? – взяв себя в руки, едко спросил он. – Признаюсь, будь я из тех, кому интересны безвкусные серые мыши с повадками неуклюжего медведя, я бы об этом пораздумал, но…

– Довольно! Прекратите меня оскорблять! Я не сделала вам ничего дурного! Разве что себе! Не знаю, какая муха вас укусила и ни за что не обратилась бы, если бы у меня был другой вариант! Я благодарна вам за спасение и помощь, но это не значит, что вы вправе меня унижать! – жёстко ответила я.

Пока я выговаривала барону все свои мысли, его брови всё выше ползли по его лбу куда-то в область затылка. Вот так, милок! Думал, я теперь в ногах у тебя валяться стану? Ни за что!

– Зачем вы отдали мне Дар? – жёстко повторила я свой вопрос, пока он не пришёл в себя.

– Не было выбора, – трепеща ноздрями и сверкая синевой глаз, рявкнул он в ответ. – Вы не дышали, и пульса не было.

Твою бабушку! Так он мне действительно Дар преподнёс, да ещё какой – жизнь подарил! И как теперь его материть? А ведь я уже подготовилась!

– О! – выдала я вместо бранных слов. – Но ведь это неправильно, да? Он же нужен для другого?

Спросила и почувствовала, что краснею! Ну, ёлки-палки, как девица на выданье, ей богу!

Франс, глядя на мои румяные щёки, озорно усмехнулся:

– Да, мадемуазель, и для другого тоже, – ответил он, и в глазах вдруг так полыхнуло, что у меня внутри что-то зашевелилось.

Ой, наверное, я съела не то что-то! В моём возрасте и с моим опытом на такие взгляды у меня уже давно иммунитет! Или это всё тело молодое виновно?

– В вашем случае Дар вернул вас к жизни, я планировал позже найти ваш адрес и объяснить всё, но раз вы тут. Мой Дар покинет ваше тело либо с наследником, либо через год, в случае если, – он замялся, – мы не вступим в связь. Вы умирали, каковы будут последствия того, что Дар вас покинет, я не знаю.

Что? Как это он не знает? Он что сейчас пошутил?

– Я и на то, что вы очнётесь, не рассчитывал. Это очень древняя магия, о которой даже драконам мало что известно, – уже мягче и как-то виновато сказал барон.

Офанареть! Это значит, я сейчас буду тут обустраиваться, строить свой новый бизнес, а в один прекрасный день просто помру? Нет! Я больше умирать не собираюсь!

Глава 5.

Смотрела на барона и старалась не выдать, до чего перспектива вероятной смерти меня впечатлила. Старалась, но, видимо, не слишком хорошо, потому что он вдруг протянул руку и коснулся моих дрожащих пальцев:

– Мне жаль, но ведь вы в любом случае проживёте дольше, чем планировали. Насколько помню, вы сами сиганули за борт, – сказал он, пытаясь меня утешить.

Утешение так себе, если честно. Теперь я точно узнала, как Мари-Элиза оказалась в воде, о причине я тоже догадывалась. Стать любовницей барона было её последней надеждой на более-менее сносную жизнь, а он отказал. Винить его глупо, да и не за что. Разве что за то предубеждение, с которым он относился к Мари. Я представила, какими словами он отправил её вон и всё же немного рассердилась.

Пока в голове проносились все эти мысли, барон поглаживал мои пальцы, глядя на меня задумчивым взглядом. Мне показалось, что ему на самом деле всё равно, что я всего лишь раздражающий ящик Пандоры, который он открыл по доброте душевной.

Слишком уж момент получился интимный, я мягко высвободилась из его тёплой руки:

– Это был миг помутнения. Неужели вы думали, что я пришла к вам от безумной страсти? – не сдержавшись, выдала я.

Синие глаза тут же яростно сверкнули и сузились, глядя на меня, как на досадную мелочь посмевшую открыть свой рот. Зря я так. Второй вопрос ведь не менее важный, только теперь барон, скорее всего, даст мне от ворот поворот.

– Вы сказали у вас несколько вопросов, так задавайте и проваливайте, где вы там прислуживаете! – жёстко сказал Франс.

– У вас ведь в столице ресторан? – спросила я не став тянуть кота за хвост. – Возьмите меня помощником повара.

Барон даже не сразу ответил, настолько моя просьба его удивила. Он совсем другим взглядом прошёлся по моей фигуре, остановил взгляд на руках и вновь посмотрел в глаза, прожигая насквозь:

– Никогда. Вы взорвёте кухню и перебьёте весь фарфор, отравите гостей и доведёте до сумасшествия моего Луи! Женщина – помощник повара? Где это слыхано! Хотите варить свою баланду – тренируйтесь на домашних, а ресторанное дело и высокую кухню оставьте мужчинам! – он вдруг рассмеялся, и я почувствовала что злюсь, очень злюсь на его слова. – Мало того, что вы женщина, а у вас, всем известно, от природы нет талантов к этой сложной профессии, так вы ещё самая нерасторопная, неуклюжая и безответственная из всех кого я видел! За это путешествие, сколько чашек вы разбили?

Ох, как досадно! Надо было всё-таки надавить на Клару и выяснить более чётко, насколько плоха Мари-Элиза в качестве работницы. Что-то я слишком расстроилась из-за этого Дара и кинулась к барону, словно в омут с головой!

Я пожала плечами, стараясь не смотреть в насмешливые глаза Франса. Судя по тому, что он сказал, даже самой ловкой женщине в этом мире не попасть на ресторанную кухню, а мне и подавно.

– Знаете, есть одно место. Попытайте счастья там, хоть мне и непонятно, с чего вы вдруг решили стать поваром, – смягчившись, сказал он. – Только место это не в самом богатом квартале, я бы даже сказал, оно не в лучшей части города, но вижу, что мой ответ вас расстроил и вы…

– Скажите название и к кому обратиться, – стараясь не выдать свой интерес, сказала я.

Франс довольно хмыкнул, и я почувствовала, что не всё так просто. Похоже, там самое страшное не место расположения или платёжеспособность посетителей, а что-то другое. Что ж, мсье барон, вы не с той связались! Меня напугать непросто.

– Трактир «Тёртый калач», – не прекращая поглядывать на меня из-под густых ресниц, сказал он. – Хозяин там Морис Солан, уверен он будет рад такому пополнению.

Язык так и застрял во рту, но я всё же выдавила из себя слова благодарности.

– Надеюсь, на этом наше с вами общение закончено, – прекратив насмешливо улыбаться, сказал барон. – Удачи, мадемуазель, она вам понадобиться.

На кухню я примчалась как раз во время, местный кок мсье Косма вовсю гонял поварят и посудомоек и заметив меня отсыпал и мне на орехи. На судовой кухне было суетно и тесно, а ещё невыносимо жарко и душно. Я старалась никуда не лезть чётко выполняя указания, но глаз то и дело выхватывал что-нибудь, к чему срочно тянулись руки: поправить, досолить, порезать иначе, добавить трав или измельчить в муку… В общем, держалась я изо всех сил, но когда началась подача блюд… Я нагло вмешалась и сделала всё по-своему, пока кок отчитывал особо нерадивого поварёнка за проступок.

– Мамзель! Это просто возмутительно! Как вы посмели, вы же… – мсье Косма с интересом посмотрел на тарелки, потом с неверием глянул на меня. – Это просто возмутительно, мамзель! Почему вы раньше не участвовали в подготовке блюд?

Я смущённо улыбнулась и пожала плечами:

– Я просто подумала, что вам нужна помощь, – ляпнула первое, что пришло в голову.

Кок просиял восторженной улыбкой:

– Возмутительно, мамзель! – вновь пролепетал он. – Эй вы! Быстро! В точности как эти порции! Быстро! Эти на раздачу не отдавать, пусть стоят как пример! Ох, мамзель!

Я внутренне рдела от удовольствия, вроде и не влезла в чужие дела, и помогла, и кайф получила от процесса. После обеда Клара принесла мсье Косма просто фонтан из комплиментов, и тот довольно бурчал что-то себе под нос и бросал в мою сторону благодарные взгляды.

– Даже барон был приятно удивлён такой изысканной подачей, – подмигнув мне, сообщила Клара.

Прекрасно! Всем полезно получать новые впечатления, а таким зарвавшимся самодовольным ослам, как этот Франс тем более!

Подготовка к ужину уже пошла веселее: мсье Косма позволил мне поучаствовать, послав к морским чертям правила и назвав свой камбуз отдельным государством. В итоге кок был очень удивлён и даже притащил затёртую книжецу, в которую вписал один рецептик приготовления трепангов. Мне был понятен и приятен его интерес, и я ему надиктовала ещё парочку отличных рецептов блюд из морепродуктов.

– Мамзель, а ведь у вас талант, – сказал он, когда я закончила с последней тарелкой.

Мытьё посуды ведь никто не отменял, да и старик Жан-Жак периодически захаживал на кухню, проверяя, сильно я тут мучаюсь или нет. Надо отдать должное старому коку, он назначил мне в помощницы посудомойку и отрядил двух поварят на чистку овощей.

– Спасибо, мсье. Только вряд ли этот талант сможет оценить кто-то кроме вас. Вы же знаете, как предубеждены современные мужчины, – печально ответила я.

Настроение было замечательным, думать о том, что вот-вот надо будет сходить на берег и искать ночлег и пропитание, не хотелось вовсе, но тяжкие мысли всё равно лезли в голову. Близилось время заката, и поварята уже убежали на палубу смотреть на мерцающий вдали свет маяка. Через час-полтора мы будем в Марьеле.

– Вы переменились, мамзель. В прошлый раз вы попортили рыбу и рыдали над картошкой, а сегодня… Будто родились с поварёшкой в руках, – усмехнулся мсье Косма и лихо крутанул седой ус. – Не зарывайте свой талант, мамзель!

Ох, мсье, если бы вы знали, насколько я планирую его не зарывать! Берегитесь, поборники патриархата! Как там сказал барон? У женщин нет способностей к столь сложной профессии? Посмотрим, как он запоёт, когда… Ух, а ведь я всё время забываю о нависшей из-за этого Дара угрозе! Надо бы узнать, как тут и что, может быть, я вообще могу вернуться в свой мир? Я ведь даже не знаю, умерла я там или нет!

На кухню заглянула Клара и поманила меня рукой, вырывая из задумчивости. Глаза девушки сверкали как две звёздочки:

– О, Мари, шевалье Давур попросил выведать у тебя адрес, по которому с тобой можно будет связаться, – заговорщицки пролепетала она.

– Шевалье Давур? – не поняла я.

Клара сделала нетерпеливую рожицу и закатила глаза:

– Пьер! Всё время забываю, что ты ничего не помнишь! – легонько стукнув себя пухлым пальчиком по лбу, воскликнула она. – Мы давеча так мило общались, он спросил, может ли мне писать, и так смутился, – зашептала она, беря меня под локоть и уводя в сторону лестницы наверх. – Тут же пролепетал, что это он решился, потому как пришёл с просьбой и завёл про барона и твой адрес.

Она прервала свой сбивчивый рассказ, пока мы друг за другом поднимались на палубу, но, догнав меня и взяв под руку, продолжила:

– Мари, ведь у вас с бароном что-то произошло. Я не настаиваю, чтобы ты делилась, просто волнуюсь о тебе. Если он тебе напишет, пока ты будешь в доме мачехи, у тебя ведь могут быть проблемы, – обеспокоено сказала она. – Потому я сказала Пьеру, что сначала спрошу дозволения у тебя и лишь потом дам адрес.

Ах, вот оно что! Значит, обращение в письме всего лишь формальность! Немудрено, что мачеха и сводный брат отправили девочку за океан. Кому она нужна теперь, когда защитить некому?

– О, Клара, ты слишком добра ко мне! Спасибо за дружескую заботу! – искренне ответила я.

Как же жаль, что придётся попрощаться со столь чудесным и добрым человеком! Не всегда такую подругу обретёшь!

– Только я не собираюсь возвращаться в родительский дом. Я планирую устроиться в одном трактире и…

– О, святая Анна! Мари! Как же так? Ведь ты, пусть и не маркиза какая, но девица благородных кровей! Трактир? Ты точно ещё не отошла после испуга! Моя дорогая, – Клара обняла меня за плечи. – Лучше уж останься в Марьеле, уверена, и тут трактиров хватит, а пока поживёшь со мной у сестры, научу тебя плести кружева секретным способом моей бабки!

Ох, ну, светлая душа эта Клара! Готова даже секреты семейные раздать, лишь бы меня, как она думает, заблудшую от ошибок спасти.

– Хороший ты человек, Клара! Не волнуйся так за меня! Я пока в Американии была, научилась там кое-чему, теперь хочу это использовать и зарабатывать деньги, – опять соврала я.

Клара недоверчиво посмотрела на меня, словно думая, не шибанулась ли я где о притолоку, пока мы поднимались на палубу.

– И ты уж так легко не раздавай секреты бабушкины! Льстит, что ты так мне доверяешь, но секреты мастерства хранить нужно и на них состояние сколачивать, – серьёзно сказала я.

– Ты точно себя хорошо чувствуешь, – испуганно спросила Клара и даже прикоснулась холодными пальцами к моему лбу. – Что это за разговоры такие? Прости, Мари, но такой рассудительной я тебя вижу впервые.

Я улыбнулась и с теплотой посмотрела на Клару: красавица она всё же, в самом соку девка. Неудивительно, что Пьер решил не терять из виду такую пышную красу.

– А я такой и не была. У меня после этого водного происшествия, будто глаза открылись. Не хочу как раньше, и трястись за копеечные места или ждать подачки от родственников впредь не буду. Сама хочу, – ответила я, глядя на тонущие в золотых и малиновых закатных лучах очертания приближающегося порта.

– Знаешь, а я рада таким твоим переменам. Такое настроение – как у полководца перед боем. Смотреть и слушать тебя приятно! – она тут же спохватилась: – Только Пьер-то ждёт ответа, ты новый адрес свой знаешь хоть? – спросила она.

– Знаю, и барон его тоже знает, так и передай, – ответила я и усмехнулась.

Клара вновь посмотрела на меня как на больную, но спрашивать не стала, лишь предложила переночевать эту ночь у её родни. Такому предложению я обрадовалась безумно: хоть ночь отдохнуть и спокойно всё обдумать.

– Только купим по дороге гостинцы. Нам, кстати, когда жалование отдадут? – спросила я.

На палубе показалась белобрысая макушка одного из поварят, и он во всю глотку завопил:

– Мамзель Марилиза! Мамзель Марилиза!

– Вот, похоже, тебя и зовут за жалованием, – улыбнулась Клара. – А с гостинцами решим, как сойдём на берег.

Шла за жалованьем, словно на плаху, что-то подсказывало: старик Жан-Жак вполне может меня прокатить. На пол пути повернула на кухню и, заметив кока покуривающего трубку, подошла к нему.

Мсье Косма, увидев меня, тут же свою запретную деятельность прекратил, закашлявшись при этом как пацан, который от папки с папироской затаился. Узнав, что он свободен и тоже ещё не получил жалование, пригласила его пойти со мной.

– А вы, мамзель, суть разумеете! – усмехнулся он. – Наш Жу-Жу может и обсчитать, – сказал он и крутанул ус, – а вот ежели мы вместе придём…

– На то и расчёт, мсье Косма. Он меня не особо жалует, я и страхуюсь. Вы уж простите, что взяла вас в поверенные, – ответила я и улыбнулась мужчине.

Хороший дядька и не зашоренный: готов новому учиться хоть и не молод уже. Я, конечно, ещё совсем не разобралась, в какой мир попала, но что-то подсказывало, что таких людей здесь не так уж и много.

Завидев меня в сопровождении кока, наш начальник огорчился. Я это поняла по вспыхнувшим на мгновения искрам в глазах и скривившимся губам. Точно рассчитывал меня обобрать, а тут такой облом. Он вяло трепыхнулся, попытавшись выставить мсье Косма за дверь, но кок – это тебе не девчонка-подавальщица, его так просто не отправишь погулять.

В итоге за вычетом сегодняшнего дня я получила шестьдесят два ливра и восемь су. Мсье Косма утвердительно прикрыл глаза, услышав за какой срок работы мне положена такая сумма. Значит, Жу-Жу, как он мило обозвал наше начальство, не решился безобразничать при нём. Попрощавшись с мужчинами и довольно сложив монетки в карман платья, я выскользнула в коридор.

С коком мы договорились сразу: ему моё присутствие было ни к чему, а Жан-Жак мог попросить меня задержаться и попросту навыдумывать какие-нибудь провинности и отобрать часть денег назад. Оказалось, что подобное поведение нашему начальнику свойственно, мсье Косма не первый раз плавал с ним на дальние расстояния и был наслышан.

Счастливая тем, что хотя бы тут наконец обратилась к своему уму и сделала всё как надо, я пришла в свою каюту, чтобы собрать чемодан. До прибытия оставались считанные минуты. Агата, конечно, была тут, но её ехидная морда не могла испортить мне настроение.

Я, молча, вошла и достала из-под кровати сундук, за которым был припрятан саквояж, и принялась перебирать вещи и складывать платья, висевшие на крючке, вбитом в стену над кроватью.

– Наивная Мари, как же мне тебя жаль, – мурлыкала Агата мне в спину. – Я видела вас на палубе. Совсем не похоже, что красавчик-барон пригласил тебя в столицу. Он ведь тебя вчера просто выставил, да?

Мне осталось лишь стиснуть зубы, чтобы не послать рыжую заразу хорошим русским матом.

– Удивительно, что он спас тебя за завтраком. Хорошо, что мсье Жан-Жак знает тебя как облупленную и наказал, как ты того заслужила! – не унималась змея. – О, барон сегодня так на меня смотрел во время ужина, а когда я сказала, что такая подача блюд – моя идея, восхитился и засыпал комплиментами!

Вот ведь! Мне комплименты барона совершенно не нужны, я в своей жизни наслушалась этого добра выше крыше, а вот наглое враньё этой дряни очень разозлило! Виду я, кончено, не подала, продолжая паковать свои пожитки.

– Думаю, у меня есть шанс получить место подавальщицы в его ресторане! Тебя с твоими кривыми руками он бы даже туда не взял, а я с чего-то решила, что он принял твоё жалкое предложение, – изливала яд Агата.

Я чувствовала, что хоть всё это меня на самом деле и не касается, но я всё равно злюсь. Из-за вселенской несправедливости злюсь: вот такие Агаты портят жизнь хорошим людям, а потом живут дальше и хорошо живут зачастую! Мужчины таким вот змеям достаются порядочные и верные, подруги им почему-то доверяют и восхищаются, считая пробивными и опытными, дома у них полная чаша, а они прут по жизни как танки и ломают на своём пути слабых, таких как Мари-Элиза.

– Знаешь, Агата, а я тебе от чистого сердца желаю получить работу у барона в ресторане, ведь это станет твоей воплотившейся мечтой. Выше этой должности ты уже никуда не прыгнешь и будешь всю жизнь подавать на стол другим, – обернувшись, сказала я и улыбнулась. – Да, я от всего сердца желаю тебе исполнения твоей великой мечты.

Я вновь вернулась к своим вещам и улыбнулась ещё шире, когда услышала за спиной голос Агаты:

– Мерзавка! Откуда только в тебе это взялось? – прошипела она.

На самом деле прекрасно, что я через полчаса сойду на берег, и мы с ней разойдёмся в разные стороны. Агата бы точно раскусила, что в теле Мари-Элизы сидит какая-то демоническая сущность с гонором фельдфебеля на плацу и таким же лексиконом.

К моему огорчению, дорожный сундук хоть и оказался со скрытыми колёсиками с одной стороны, но был слишком тяжёлым, чтобы я сама смогла поднять его по лестнице. Пришлось звать Клару, и мы командными усилиями выволокли не только мой но и её сундуки и, усевшись на них, красные и вспотевшие весело переглядывались радуясь гомону порта, в котором, несмотря на вечернее время, кипела жизнь.

Агата тоже поднялась на палубу, но её пожитки волокли сразу два матроса и каждый жадно ловил малейшее слово гадкой красавицы.

– Нигде не пропадёт, – усмехнулась Клара.

– Мы тоже не пропадём, – ответила я. – Просто у неё кроме вот этого всего больше ничего нет, – я сделала жест руками в воздухе, будто обрисовывая изгибы крутобёдрой и грудастой Агаты, – а у нас ещё есть разум и душа.

Мы прыснули со смеху, вроде бы ничего такого я не сказала, так глупости, а развеселились обе. Наверное, всё из-за возбуждения, предвкушения перемен. Для меня-то и вовсе всё в новинку было!

Я уже думала о том, как буду жить в этом мире без привычных удобств и технического прогресса. Это молодых ничего не пугает, а в моём возрасте страшно без тёплой воды в любое время, удобной кровати и электричества. Последнее в этом мире ещё не изобрели, и понимала бы я в этом хоть что-то, точно попыталась бы исправить эту досадную оплошность.

На палубу уже подтягивались и представители высшего общества, среди которых были барон и мадам Спивак, от цепких глаз которой я поспешно спряталась за Кларой. Мадам была в шляпке с обилием каких-то перьев и цветов, и узнать на месте ли в итоге её пытавшаяся сбежать причёска не представлялось возможным.

Народу становилось всё больше, матросы, не стесняясь, разгоняли мешающих пришвартоваться зевак и, наконец, мостик на берег был перекинут и закреплён. Я видела барона, сошедшего одним из первых в компании Давура и мадам Спивак.

Мы с Кларой, решив не толпиться в очереди, рассматривали набережную, когда я почувствовала на себе прожигающий взгляд. Франс смотрел в нашу сторону, не отрываясь. Да, не буду лгать, он смотрел именно на меня, и этот взгляд был словно прощание.

Что ж, мсье барон, прощайте! Хотя не так: до скорой встречи! Потому как я еду покорять столицу и чувствую, что вам это не понравится, пусть вы об этом пока и не догадываетесь.

Глава 6.

Порт Марьеля поглотил всё моё внимание. Посудите сами, на улице уже сумерки, а тут везде огни, толпа народу, все кричат, что-то грузят, чем-то торгуют, суета, смех, а порой и крепкое словцо пролетит. Отчаянно пахло рыбой и йодом, а ещё немытыми телами и парами горячительного. Моряки, видом напоминавшие Соловьёв Разбойников из народных сказок, отличались от бандитов разве что тем, что не отбирали у прохожих деньги и не свистели.

Клару встречали: муж сестры

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.